
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322732 9

Иванъ Приступа

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

СОНЕТЫ СОЛНЦА, МЕДА, И ЛУНЫ.

ПѢСНЯ МІРОВЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ, БЕРЛИНЪ.

Слово пѣсни — капля меда,
Что пролился черезъ край
Переполненнаго сердца.

Испанская пѣсня.

ЧЕРТОГЪ.

Изъ пламеней и лепестковъ червонныхъ,
Изъ быстрыхъ искръ отъ скока конскихъ ногъ,
Изъ тѣхъ боевъ, гдѣ бьется рогъ о рогъ,
Изъ рева бурь, и гласа гудовъ звонныхъ, —

Изъ виміамовъ сине-благовонныхъ,
Изъ словъ, которыхъ вымолвить не могъ,
Я принялъ вѣсть, и выстроилъ чертогъ
Изъ тайновѣстей этихъ раскаленныхъ.

Въ чертогѣ, гдѣ прядетъ моя мечта,
Сплетаются несчетные покои.
Въ намекъ скрестилась въ немъ съ чертой черта.

Огнями созрѣваетъ темнота.
Въ углахъ сосуды, гдѣ въ густомъ настоѣ
Хмѣлѣетъ сказка, и цвѣтетъ алоэ.

ПОЭТЪ.

Рѣшаетъ мигъ, но предрѣшаетъ часъ,
Три дня, недѣля, мѣсяцы, и годы.
Художникъ въ мигѣ — взрывъ въ жерлѣ природы,
Просвѣтный взоръ во-внутрь Господнихъ глазъ.

Поэты. Братья. Увѣнчали насъ
Не люди. Мы древнѣй людей. Мы своды
Иныхъ планетъ. Мы Духа переходы.
И грань — секунда, тамъ гдѣ нашъ алмазъ.

Но если я поэтъ, да не забуду,
Что въ творчествѣ подземное должно
Вращать, вращать, вращать веретено.

Чтобъ вырваться возможно было чуду.
Чтобъ духъ цвѣтка на версты лился всюду.
Чтобъ въ душу стихъ глядѣлъ и палъ на дно.

КОТЛОВИНА.

Пожаръ — мгновенье первое Земли,
Пожаръ — ея послѣднее мгновенье.
Два кратера, въ безумствѣ столкновенья,
Несясь въ пустотахъ, новый міръ зажгли.

Въ туманной и пылающей пыли,
Размѣрныхъ вихрей началось вращенье.
И волей притяженья-отторженья
Поплыли огневые корабли.

Въ безмѣрной ямѣ жгучихъ средоточій,
Главенствующихъ силъ ядро легло,
И алымъ цвѣтомъ Солнце расцвѣло.

Планеты — дальше, съ смѣной дня и ночи.
Но будетъ часъ. Насмотрятся всѣ очи.
И всѣ планеты рушатся въ жерло.

ОГНЕННЫЙ МІРЪ.

Тамъ факелы, огневзнесенья, пятна,
Тамъ жерла пламеносныхъ котловинъ.
Сто дней пути — расплавленный рубинъ.
И жизнь тамъ только жаркимъ благодатна.

Они горятъ и дышутъ непонятно.
Взростаетъ лѣсъ. По пламени вершинъ
Несется токъ пылающихъ лавинъ.
Вся жизнь Огня сгущенно-ароматна.

Какъ долженъ быть тамъ силенъ ароматъ,
Когда, чрезъ милліоны верстъ оттуда,
Огонь весны душистое здѣсь чудо.

Какъ тамъ горитъ у Огнеликихъ взглядъ,
Коль даже мы полны лучей и гуда,
И даже люди, полюбивъ, горятъ.

ПЛАМЕННИКЪ.

Пора мнѣ начертать псаломъ ночамъ и днямъ,
Пора отобразить желаніе созвучій,
Которое всегда сквозитъ въ ростущей тучѣ,
Узорчато ее мѣняя по краямъ.

Изъ капелекъ росы, изъ черноокихъ ямъ,
Изъ бочаговъ, прудковъ, съ полей, луговъ, и кручи,
Въ неуловимости незримый, но пѣвучій,
Восходитъ медленно до Солнца ѳиміамъ.

До Солнца не дойдетъ. Но, выманенъ лучами,
Сгустится дымами. Придвинетъ къ хоти хоть.
Да въ слово плоть войдетъ, и слово станетъ плоть.

Вотъ молнія дрожитъ. Грозитъ и жжетъ очами.
Дозволь упиться мнѣ и днями и ночами.
Я пламенникъ, я твой, дозволь сверкнуть, Господь.

ЖЕРТВА.

Когда зажглась кроваво, свѣтъ взвивая,
Полнеба охватившая заря,
Казалось, на высотахъ алтаря
Небеснаго, тамъ жертва есть живая.

Былъ зноенъ день. Всю влагу испивая,
Жара дымилась, дѣланье творя.
И каждый листъ рабомъ былъ для царя
Единаго, чья воля — огневая.

Озеръ и рѣкъ обильный водоемъ,
И каждая росинка отъ побѣга
Поникшихъ травъ, вспоили хлопья снѣга, —

Потокъ лавинъ въ объемѣ тучевомъ.
Весь міръ застылъ. Въ той душной пыткѣ нѣга.
И огнь, вѣщая ливень, рушилъ громъ.

ЗВѢЗДНЫЕ ЗНАКИ.

Творить изъ мглы, расцвѣтовъ, и лучей,
Включить въ оправу стройную сонета
Двѣ капельки росы, три брызга свѣта,
И помыселъ, что вотъ еще ничей.

Узнать въ цвѣтахъ огонь родныхъ очей,
Въ журчаньи птицъ разслышать звукъ привѣта,
И такъ прожить весну, и грезить лѣто,
А въ стужу цѣловаться горячѣй.

Не это ли Веселая Наука,
Которой полный кругъ, въ расцвѣтѣ лѣтъ,
Пройти повиненъ мыслящій поэтъ?

И вновь слѣдить въ духовныхъ безднахъ звука,
Не вспыхнулъ ли, еще не бывшій слѣдъ
Отъ лета сказокъ, духовъ, и кометъ.

ГОРНОЕ ОТКРОВЕНІЕ.

Безмолвіе нагорной высоты,
Молчанія узорныя хоромы,
Провалы, свѣтояры, крутоемы,
Противоглыбы разной остроты.

Дойди до самой сказочной черты,
Взнеси свой духъ на крайніе изломы,
Туда, гдѣ дома — молніи и громы,
Гдѣ рѣзокъ свистъ стремнинной пустоты.

Смотри. Гдѣ вся природа чрезвычайна,
Какой она не можетъ быть вездѣ,
Гдѣ небо ближе къ озерной водѣ, —

Гдѣ бездна звѣздъ въ тиши ночей безкрайна,
Надъ пропастью глядитъ цвѣтокъ къ звѣздѣ,
Чтобъ даже здѣсь благоухала тайна.

ТА, КОТОРОЮ ДВИЖУТСЯ ЗВѢЗДЫ.

Изъ раковины музыка морская,
И музыка изъ горла соловья.
Условіе и краска бытія.
Всегда одна. Всегда вездѣ другая.

Въ простомъ вѣнкѣ. Всѣмъ жаждамъ дорогая.
Хотящая промолвить: «Я твоя».
Кто къ ней пришелъ, онъ я и онъ не я.
Въ ней дышетъ Вѣчность, въ мигѣ пробѣгая.

Цвѣтокъ, который ждетъ, чтобъ развернуть
Непознанность красивой пышной чаши.
Звѣзда, гдѣ чары наши и не наши.

Дремучій лѣсъ, въ которомъ будетъ путь.
Она Когда-то и Когда-Нибудь.
Желанье Солнца грезу сдѣлать краше.

РАЗСВѢТЪ.

Едва озарены верхушки горъ.
Еще не вышло гордое Свѣтило,
Въ которомъ всѣмъ земнымъ восторгъ и сила.
Сейчасъ оно начнетъ дневной дозоръ.

Подъ бѣлой дымкой зеркало озеръ.
Цвѣты еще закрытыя кадила.
Долины спятъ. Но тьма ужь уступила.
И только знака ждетъ старинный боръ.

Купавы словно дремлющія луны.
Все шире свѣтъ. Все ярче горный храмъ.
Расплавленный рубинъ по ледникамъ.

Весь міръ земной натянутыя струны.
Скорѣй. Скорѣй. Мы снова будемъ юны.
И токъ огней ударилъ по струнамъ.

ЧТО СО МНОЙ.

Что сдѣлалось со мной? Я весь пою.
Свиваю мысли въ тонкій строй сонета.
Ласкаю зоркимъ взоромъ то и это.
Всю Вѣчность принимаю какъ мою.

Изъ черныхъ глыбъ я бѣлое кую.
И повѣсть чувства въ сталь и свѣтъ одѣта.
Во всемъ я ощущаю только лѣто.
Вѣтровъ пьянящихъ теплую струю.

О, что со мной? Я счастливъ непонятно.
Вѣдь боль я знаю такъ же, какъ и всѣ.
Хожу босой по стекламъ. И въ росѣ

Ищу душой того, что невозвратно.
Я знаю. Это — Солнце ароматно
Во мнѣ поетъ. Я весь въ его красѣ.

ПИРЪ.

Пиръ огненный вверху уже готовъ.
Горячій токъ дошелъ до нижнихъ далей.
Повѣсилъ по вѣтвямъ нарядъ вуалей,
Такъ скоро послѣ дней разлома льдовъ.

На вербѣ кучки пахнущихъ цвѣтовъ.
Зима разбила скрѣпы всѣхъ скрижалей.
Взамѣну вьюгъ, взамѣнъ свинца печалей,
Качанье золотыхъ колокольцовъ.

Мой лютикъ. Лютикъ. Ты совсѣмъ не лютый.
Купальницы. Бубенчикъ. Ты звенишь.
Упоеваюсь ласковой минутой.

Предъ пиршествомъ торжественная тишь.
Синѣе синь. И съ громомъ, въ тучѣ вздутой,
Расцвѣлъ Огонь лозою перегнутой.

ОНО ПРЕКРАСНО.

Оно прекрасно лаской привѣта.
Всегда слѣпые смотрятъ на него.
И чувствуютъ. И любятъ. Оттого,
Что въ немъ огонь есть нѣжный, кромѣ свѣта.

Оно въ сознаньи расцвѣчаетъ лѣто.
Кто счастливъ здѣсь, онъ счастливъ чрезъ него.
Лишь имъ живое въ мірѣ не мертво.
Лишь съ нимъ мечта рубинами одѣта.

Я опускаю вѣки и смотрю.
Я вижу. Сказка крови бьется ало.
Въ моихъ глазахъ я чувствую зарю.

Какое слово въ Вѣчность побѣжало?
Я съ Тѣмъ, предъ Кѣмъ не властны ядъ и жало.
Отъ Солнца къ Солнцу я свѣчой горю.

УМѢЙ ТВОРИТЬ.

Умѣй творить изъ самыхъ малыхъ крохъ.
Иначе, для чего же ты кудесникъ?
Среди людей ты Божества намѣстникъ,
Такъ помни, чтобъ въ словахъ твоихъ былъ Богъ.

Въ лугахъ расцвѣлъ кустомъ чертополохъ,
Онъ жестокъ, но въ лиловомъ онъ прелестникъ.
Одинъ толкачикъ знойныхъ сутокъ вѣстникъ.
Судьба въ одинъ вмѣститься можетъ вздохъ.

Маэстро Итальянскихъ колдованій
Приказывалъ своимъ ученикамъ
Провидѣть полный пышной славы храмъ

Въ обломкахъ камня и въ обрывкахъ тканей.
Умѣй хотѣть, и силою желаній
Господень духъ промчится по струнамъ.

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ — мечта расцвѣтшаго растенья,
Пробившаго свой путь изъ тьмы земли,
Цвѣтокъ — костеръ, что духи намъ зажгли,
Верховный знакъ творящаго хотѣнья.

Веселыхъ красокъ, въ пляскѣ, восхожденье,
Побѣда грезы въ прахѣ и въ пыли,
Блескъ радугъ, пронизавшихъ хрустали,
Путь въ Вѣчность чрезъ минутное видѣнье.

Цвѣтокъ съ цвѣткомъ ведетъ душистый споръ,
Волнуя, убѣждая, и влюбляя,
Цвѣтокъ цвѣтку — планета молодая.

Таинственный о счастьи разговоръ.
И вѣстники цвѣтовъ, въ ихъ звѣздномъ храмѣ,
Лишь существа съ звенящими крылами.

СОНЕТЫ СОЛНЦА.

Сонеты Солнца, Меда, и Луны.
Въ пыланіи томительныхъ іюлей,
Бросали пчелы рано утромъ улей,
Заслыша духъ цвѣтущей крутизны.

Былъ гулъ въ горахъ. Отъ Солнца ходъ струны.
И каменный баранъ упалъ съ косулей,
Сраженные одной и той же пулей.
И кровью ихъ расцвѣчивалъ я сны.

Отъ плоти плоть питалъ я, не жалѣя
Звѣрей, которымъ смерть дала рука.
Тотъ медъ, что пчелы собрали съ цвѣтка, —

Я взялъ. И вся пчелиная затѣя
Сказала мнѣ, чтобъ жилъ я не робѣя,
Что жизнь смѣла, безбрежна, и сладка.

ПОЛДЕНЬ

Съ утра до полдня въ духѣ я пѣвучемъ,
Со всѣмъ земнымъ я все же не земной.
Я восхожу съ ростущею волной,
До полдня, къ Солнцу, къ тѣмъ горниламъ жгучимъ.

Найдемъ, сверкнемъ, полюбимъ, и замучимъ,
Занѣжимъ семицвѣтной пеленой.
Къ чертѣ расцвѣта. Къ музыкѣ. За мной.
Взнесемъ дары, и пріобщимъ ихъ къ тучамъ.

Но вдругъ въ душѣ означится изломъ.
Пронзитъ предѣлъ восторженность сгоранья.
Двѣнадцать. Солнце кончило игранье.

Хоть вы придите, молнія и громъ.
До завтра мгла и ощупь собиранья.
Но завтра утро вновь качнетъ крыломъ.

ОГНЕВЗНЕСЕНЬЕ.

Луна была сгущенной чернотой,
Она являлась дискомъ строго-чернымъ.
А надъ чертой ея, огнемъ узорнымъ,
Сіяла алость, млѣя красотой.

Вокругъ — вѣнецъ лучисто-молодой,
Съ сребристымъ излѣяніемъ повторнымъ,
Нѣжнѣй, чѣмъ свѣтъ зари по высямъ горнымъ,
Костеръ, зажженный огненной мечтой.

Воздушныхъ розъ расплавленность и млѣнье,
Сто тысячъ верстъ циклонная игра
Живого серебра, его свѣченья.

Но вотъ Лунѣ содвинуться пора.
И Солнце потопило выявленье
Священной пляски, пиръ огневзнесенья.

ИЗЪ ПРОПАСТЕЙ.

Я знаю, что вначалѣ было Слово,
Что было у Предвѣчнаго оно,
Съ которымъ было мысли суждено
Разстаться, чтобъ къ Нему стремиться снова.

Изъ пропастей эѳира неземного,
Изъ областей, гдѣ невозможно дно,
Идетъ къ звену блестящее звено,
Куя чертогъ, крѣпя сапфиры крова.

Вскрываются безмѣрные цвѣты,
Чтобъ было легче въ тягостяхъ разлуки,
Чтобъ протянуть къ чему намъ было руки.

Извѣчна млечность круглой высоты.
Въ ночной душѣ звѣздятся къ Небу звуки,
Всѣ миги дней — кануны Красоты.

СРЕДИ ВИДѢНІЙ.

Среди видѣній разныхъ Вещества
Упился Духъ несчетностью уборовъ.
Я здѣсь люблю не будни разговоровъ,
А празднично-размѣрныя слова.

Лишь полнотой признанья мысль жива,
Вся музыка согласій и раздоровъ.
Мнѣ нравится въ лѣсахъ тяжелый боровъ,
И быстрая въ лѣсной рѣкѣ плотва.

И въ джунгляхъ тигръ, и слонъ многообъемный,
И длинный червь, что въ кучку строитъ грязь,
Не тѣ же ль это знаки Сказки темной?

Не та же ли въ нихъ Божеская связь?
Есть мигъ въ часахъ, когда всѣ мысли кротки,
И вяжетъ умъ разсыпанныя четки.

ДРЕВО.

Стволъ Древа кряжистъ. Въ свѣтахъ изумруда
Вершина ускользаетъ въ синеву.
Всѣ сны его я вижу наяву,
И слышу милліонный голосъ гуда.

Уходятъ корни въ глубь ночей, откуда
Я въ сказкѣ листьевъ въ высь всегда плыву.
День жаворонка манитъ, ночь сову,
Но голосъ ихъ все тотъ же шорохъ чуда.

Изъ-подъ ушедшихъ вплоть до звѣздъ корней
Бьютъ родники и выползаютъ змѣи.
Вверху, внизу ли, звѣздныя затѣи.

И вкось ствола, на всемъ пространствѣ дней,
Бѣгъ золота, — не знаю, бѣлка, или
Зыбь грезы молодой на Игдразилѣ.

МІРЪ.

Какъ каждый листъ, свѣтясь, живетъ отдѣльнымъ
Восторгомъ влаги, воздуха, тепла,
И радъ, когда за зноемъ льется мгла,
Но съ древомъ слитъ существованьемъ цѣль-
нымъ, —

Такъ я одинъ въ пространствѣ безпредѣльномъ,
Но съ міромъ я, во мнѣ ему хвала,
Ему во мнѣ поютъ колокола,
Черезъ него я сталъ пѣвцомъ свирѣльнымъ.

Въ теченіяхъ причинностей плыву,
Какъ степь плыветъ подъ вѣтромъ ковылями.
Молюсь въ ночахъ въ многозвѣздистомъ храмѣ.

Пью жадными глотками синеву.
И стволъ ростетъ изъ звѣздъ, умноженъ нами,
Любовью, дѣломъ, подвигомъ, и снами.

ИГРА.

Играетъ Солнце, вкругъ мѣняя луны,
И проводя безчисленность планетъ.
Играетъ въ Ночь всегда побѣдный Свѣтъ.
Назавтра вновь лучи протянутъ струны.

Моря въ игрѣ баюкаютъ буруны,
Вотъ снова тишь, движенья въ Морѣ нѣтъ.
И любитъ Вѣчность смѣну дней и лѣтъ,
Но это все лишь часть единой руны.

Сознаніе, понять тебѣ пора,
Что всѣ твои несчетныя видѣнья
Суть два лица того же наслажденья, —

Что въ Вѣчности всегда идетъ игра.
Но, чтобъ въ мірахъ глубоки были игры,
Должны быть въ мірѣ молніи и тигры.

МЫСЛЬ.

Мысль человѣка любитъ забывать,
Чтобъ вновь припоминать свои извивы.
Кто былъ кентавромъ, тотъ движенье гривы
Порою любитъ какъ родную мать.

Я былъ конемъ. И больше утверждать
Могу, свои припомнивъ переливы.
Металлы и кристаллы такъ же живы,
Какъ всѣхъ крылатыхъ вѣющая рать.

Слагая, раздвигая, рдѣя, рѣя,
Я пробѣжалъ безчисленность міровъ.
Нѣтъ большаго на свѣтѣ чародѣя,

Чѣмъ мысль. Играя числами вѣковъ,
Путь отъ медузы въ звонъ — моя затѣя.
Лишь измѣняю сплавъ колоколовъ.

ЗВЕНЬЯ.

Въ моряхъ лазоревыхъ усѣяно все дно
Неисчислимыми слоями звѣздной пыли.
Вліяніе планетъ въ подводномъ скрыто илѣ,
Земля закована въ небесное звено.

Когда, въ ночахъ, кружась, жужжитъ веретено,
Въ душѣ встаютъ черты давно увядшей были.
Есть въ сердцѣ комнатки, гдѣ мы не позабыли
Все, съ нами бывшее, не здѣсь, давнымъ давно.

Необъяснимыя въ насъ царствуютъ пристрастья.
Предъ тѣмъ или инымъ непостижимый страхъ.
А изъясненіе записано въ зрачкахъ.

Увидитъ взоръ души идущее несчастье.
И радость зыбится въ неясныхъ письменахъ,
Слагая рядъ примѣтъ въ желанное запястье.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Пройди отъ фіолетовыхъ до красныхъ
Всѣ красочные въ радугѣ пути.
Чтобъ тайное вѣщаніе найти,
Взгляни въ живой вѣнецъ расцвѣтовъ страстныхъ.

Влюбись въ фіалку. Незабудокъ ясныхъ,
Осокъ нарви. И лютикъ расцвѣти.
Настурцій кустъ межь маковъ помѣсти.
И розъ возьми, изъ самыхъ полновластныхъ.

Приблизься къ нимъ. Читай глазами ихъ.
Вдыхай. Пьянись всей тайной ихъ загадокъ.
Пчелѣ мигъ встрѣчи съ вѣнчиками сладокъ.

Отъ лепестковъ струится вихремъ стихъ.
Ты къ молніямъ пришелъ. Подслушай ихъ.
Онѣ поютъ — сонетами изъ радугъ.

ПОЛНАЯ ЧАША.

Цвѣток съ цвѣтком, цвѣты поютъ цвѣтамъ,
Всей силой посылаемыхъ дыханій,
Струей пыльцы, игрой Восточныхъ тканей,
Приди, любовь, я все тебѣ отдамъ.

И слышно здѣсь, какъ пламенѣетъ тамъ,
За гранями, кадильница сгораній,
Жасмины, розы, головни гераней,
Пожары, посвященные звѣздамъ.

Пока на днѣ небесъ проходятъ токи,
Пѣвучіе ряды, къ звѣздѣ звѣзда,
Влюбилась въ берегъ здѣшняя вода.

Два облика. Они зеленооки.
И слышенъ вздохъ: «Тобою счастливъ я».
И вторитъ нѣжный вздохъ: «Твоя. Твоя».

РОЖДЕНІЕ ЛЮБВИ.

Любить — живыхъ учила красногрудка.
Вся сѣрая была она въ Раю.
Сидѣла на утесѣ, на краю.
А міръ кругомъ былъ смѣхъ и всклнкъ и шутка.

И думала крылатая малютка: —
«О чемъ они? О чемъ и я пою?
Любить не нужно все. А лишь мою».
И въ этотъ мигъ у ней зардѣлась грудка.

И птичка полетѣла по кустамъ.
Тогда впервые заалѣли розы,
Гвоздики, маки, цѣлый алый храмъ.

И кровь любовью брызнула къ сердцамъ.
И молнія, узоръ небесной грезы,
Велѣла быть грозѣ и лить дождямъ.

УДѢЛЪ КРЫЛАТЫХЪ.

Двѣ птички видѣть — нѣжно и досадно.
Ихъ двѣ, такъ значитъ нѣтъ здѣсь ни одной,
А будетъ третья, чтобъ опять весной
Вдвоемъ единый ликъ разрушить жадно.

Когда жь одна, — какъ жалко, безотрадно.
Она въ тревогѣ. Сердце шепчетъ: «Пой!»
И вотъ поетъ, чтобъ взятой быть судьбой,
И, здѣсь поживъ, летѣть къ чужбинѣ стадно.

Люблю я, все же, болѣе — одну,
Когда она поетъ, дрожа, тоскуя,
Душа къ душѣ, въ желаньи поцѣлуя.

Высокій мигъ — создать свою струну.
Струить жемчужный дождь, сердца волнуя.
Свой жемчугъ лить въ чужую глубину.

ЗАКОНЪ ПРИРОДЫ.

Природа — прихотливѣйшій творецъ.
Отъ простоты всегда уходитъ въ сложность.
Ей побѣждать желанно невозможность.
Повсюду разсыпать дожди колецъ.

Нигдѣ не говоритъ она: Конецъ.
Чуть сотворитъ, и тотчасъ, осторожность
Съ мечтой сліявъ, крѣпитъ свой храмъ
Всебожность,
Играя милліонами сердецъ.

По клавишамъ несчетныхъ ощущеній
Бѣгутъ персты, легчайшіе, чѣмъ сонъ.
Гудитъ отъ звѣздъ дрожащихъ небосклонъ.

Еще цвѣтовъ, звѣрей, и сновъ, и рдѣній.
И лѣстница всемірныхъ расхожденій
Ростетъ, а прихоть — строгій здѣсь законъ.

ЗНАНІЕ ВНѢ ЗНАНЬЯ.

Есть знаніе внѣ знанья въ существахъ.
Внушаемость. Открытость вѣчнымъ чарамъ.
Міръ никогда, живя, не будетъ старымъ.
Пока есть сердце, жгучій есть размахъ.

Въ животныхъ, въ рыбахъ, въ птицахъ, и жукахъ
Есть власть свѣтиться тѣмъ цвѣтнымъ пожаромъ,
Что, рдѣя, по зеленымъ льется ярамъ,
И искрится алмазами въ снѣгахъ.

Соотношенье красокъ. Здѣсь не только
Самозащита отъ зловражьихъ глазъ,
Но просто ладъ, втекающій въ разсказъ.

Когда порхаетъ маленькая молька,
Она изображаетъ Смерть и Ночь.
Ты жилъ? Усни. Ты былъ? Уйдемъ же прочь.

ЗЕРКАЛО ВЪ ЗЕРКАЛО.

Чтобъ духъ горѣлъ въ чарующемъ алмазѣ,
И мысль играла въ радугу и громъ,
Идутъ пиры, въ пространствѣ міровомъ,
Различья формъ, цвѣтныхъ разнообразій.

Свѣтло летѣть по зову звѣздныхъ связей.
Красиво каплей, чей такъ малъ объемъ,
Упасть съ высотъ въ звенящій водоемъ.
Быть звукомъ въ убѣдительномъ разсказѣ.

Мнѣ чудится, что, если любимъ мы,
И милой сердцемъ ткемъ нарядъ вѣнчальный,
Въ пустынѣ звѣздъ, какъ въ музыкѣ зеркальной, —

Въ тотъ часъ поютъ всезвонные псалмы,
Какъ здѣсь снѣжинки въ свѣтлый мигъ зимы
Въ душѣ у насъ рождаютъ стихъ кристальный.

БРОНЗОВКА.

У бронзовки, горячаго жука,
Блестящаго въ дни майскаго горѣнья,
Полдневнѣй, чѣмъ у майскихъ, власть влюбленья,
И цвѣтъ зеленыхъ крылъ — какъ листъ цвѣтка.

Въ немъ краска изумруда глубока,
Съ игрою золотого оттѣненья.
Здѣсь Солнцемъ и Землею завлеченье,
Здѣсь долгая влюбленность въ свѣтъ листка.

Сознаніе гармоніи окраски,
Упорно ощущаемое тѣмъ,
Кто пламенно живетъ, хоть съ виду нѣмъ.

Внушаемость теченьемъ общей сказки.
Такъ у дѣтей горятъ какъ звѣзды глазки: —
Вѣдь духъ дѣтей открытъ созвѣздьямъ всѣмъ.

ПАВЛИНЪ.

Какъ исполинскій вѣеръ, хвостъ павлина,
Съ большимъ числомъ изящнѣйшихъ зрачковъ,
Раскроется какъ розсыпь синихъ ковъ,
Чаруетъ какъ лазурная картина.

Самецъ, съ покорнымъ ликомъ властелина,
Бросающаго множество даровъ,
Быть красочнымъ еще и вновь готовъ,
Чтобъ породить съ царицей дочь и сына.

Но въ таинство рожденія вступить
Чрезъ таинство любовнаго сліянья.
Таинственная чувствъ и мыслей нить.

Порабощенье волею сіянья.
Созданье красокъ, грезъ, и расцвѣтанья,
Чтобы одинъ глотокъ любви испить.

ТАЙНА РАКОВИНЪ.

Есть въ очертаньи раковинъ морскихъ
Извивъ волны лазурной Океана.
Есть отсвѣтъ въ нихъ огней зари, что рано
И поздно льетъ въ волну жемчужный стихъ.

Въ нихъ есть и лунный свѣтъ, что нѣжно-тихъ
И чародѣенъ въ часъ, когда Свѣтлана
Восходитъ, розовата и медвяна,
И ворожитъ теченье чаръ густыхъ.

Глубинныя — пріемлютъ трепетанья,
Покорно подчиняясь безъ конца,
И раскрывая створки какъ сердца.

А въ той, что всѣхъ открытѣй пьетъ вліянье,
Сліянный поцѣлуй созвучныхъ силъ
Себя какъ грезу жемчугомъ явилъ.

ТАНЕЦЪ ЛЮБВИ.

Надъ той чертой, гдѣ льнетъ до суши Море,
Я видѣлъ, въ днѣ сентябрьскомъ, пронеслось
Сто тысячъ обнимавшихся стрекозъ,
Летя попарно въ этомъ дружномъ хорѣ.

Какъ рой счастливыхъ душъ, вились въ просторѣ.
Къ закату, выше Моря, травъ, и росъ,
Какъ будто звалъ ихъ лучевой откосъ,
И подчинились нѣжныя, не споря.

До Солнца. Къ тѣмъ расплавленнымъ огнямъ.
Къ рубинамъ, утопающимъ въ опалѣ.
Неслись. Взнеслись. Растаяли. Пропали.

Летя по лучезарнымъ ступенямъ.
Къ горнилу зорь. Завлечены багрянцемъ.
Циклономъ огневымъ. Любовнымъ танцемъ.

КАБАРГА.

Хранитъ самецъ пьянящій духъ въ мѣшочкѣ,
И какъ цвѣтокъ приманиваетъ мухъ,
Такъ кабарга-самецъ для молодухъ
Таитъ духи въ волшебномъ пузыречкѣ.

Идетъ, роняя мускусныя точки,
Неволящій, несущій чары, духъ.
Любовь чрезъ запахъ размышляетъ вслухъ,
Набатъ къ любви струятъ кусты и кочки.

Плыветъ, зоветъ, звонитъ, и ранитъ мгла.
Какъ дождь жемчужный, цвѣтъ повисъ черемухъ.
Сосна и та отъ страсти расцвѣла.

И тамъ, гдѣ орхидеи на изломахъ
Утесы расцвѣтили какъ снѣга,
Въ безумномъ духѣ любитъ кабарга.

ШЕСТВІЕ КАБАРГИ.

Влюбленная проходитъ кабарга,
Средь дикихъ козъ колдунья аромата.
Вослѣдъ нея пахучая утрата,
Подъ ней душисты горные луга.

Пьянящій мускусъ. Смыты берега
Безстрастія. Любовь здѣсь будетъ плата.
И любятся съ разсвѣта до заката.
Но прежде — бой. Въ любви сразить врага.

Самецъ самцу противоставитъ бивни.
Алѣютъ у сильнѣйшаго клыки.
Сперва гроза. Лишь за грозою ливни.

Ждетъ самка. Въ мірѣ бродятъ огоньки.
Въ одномъ любовномъ запахѣ и раѣ
Сибирь, Китай, Тибетъ, и Гималаи.

ЦВѢТЪ СТРАСТИ.

Багряный, нѣжно-алый, лиловатый,
И бѣлый-бѣлый, словно сонъ въ снѣгахъ,
И льющій зори утра въ лепесткахъ,
И жаркіе лелѣющій закаты, —

Пылаетъ макъ, различностью богатый,
Будя безумье въ пчелахъ и жукахъ,
Разливъ огня въ цвѣточныхъ берегахъ,
Съ пахучей грезой, сонно-сладковатой.

Когда же онъ роняетъ лепестки,
Ваяетъ онъ кувшинчикъ изумрудный,
Гдѣ сѣмя накопляетъ, съ властью чудной.

Сны навѣвать. Въ тѣхъ снахъ объемъ рѣки.
Дневное — въ зыбяхъ, въ дали многогудной.
И хмѣль густой вмѣстилъ вѣка въ цвѣтки.

ПЧЕЛА.

Мнѣ нравится существенность пчелы,
Она, летя, звенитъ не по-пустому,
Отъ пыльника цвѣтовъ дорогу къ грому
Вѣрнѣй находитъ въ мірѣ, чѣмъ орлы.

Взявъ нектаръ въ зобикъ свой, изъ этой мглы,
Тамъ въ ульѣ, чуя сладкую истому,
Медъ отдастъ корытцу восковому,
Въ немъ шестикратно утвердивъ углы.

Изъ жала каплю яда впуститъ въ соты,
Чтобъ медъ не забродилъ тамъ. Улей — домъ.
Цвѣты прошли, — пчела забылась сномъ.

Ей снится храмъ. Въ сіяньи позолоты
Иконы. Свѣчи. Горнія высоты.
И хоръ поетъ. И колоколъ — какъ громъ.

НЕЗРИМЫЕ ИСПОЛИНЫ.

Огромная объемность инфузорій,
Незримая среди безвѣстныхъ тропъ,
Мгновенно зрима, лишь взгляни въ потопъ,
Чрезъ волшебство побудь въ кипящемъ хорѣ.

Вотъ, капля влаги — бѣшеное море.
У каждой твари есть и ротъ и лобъ.
Одна другой — живой и жадный гробъ.
Ихъ мчитъ циклонъ. Ихъ жизнь — въ горячемъ
спорѣ.

Одна — какъ нѣкій исполинскій зонтъ.
Другая — конь въ кошмарномъ сновидѣньѣ.
Какой у нихъ безмѣрный горизонтъ.

Нѣтъ, малы не они, а наше зрѣнье, —
Какъ лишь размѣрно грузенъ мастодонтъ,
Въ ликующихъ пирахъ міротворенья.

ЗВѢРЬ.

Сто сорокъ саженей чудовищной длины,
Приди въ четырнадцать размѣрнаго сонета.
Тотъ земноводный звѣрь, онъ вѣдалъ только лѣто
И смѣну лѣтнихъ дней на пламени весны.

Левіаѳанъ морей, гдѣ грузный ходъ волны
Былъ продвиженіемъ тяжелаго предмета.
И воздухъ былъ густой. И мало было свѣта.
Но жаркіе пары пыланьемъ пронзены.

Здѣсь мало что уму. Но все для сладострастья.
Хранилище любви, спинной его хребетъ
Былъ длительная хоть, гдѣ размышленья нѣтъ.

Онъ въ Лѣтописи Дней одна страница счастья.
Я думаю о немъ, когда погаснетъ свѣтъ,
И за стѣной моей, и въ сердцѣ, стонъ ненастья.

ЛУНА И СОЛНЦЕ.

Луна, черезъ меня, струитъ мечту,
А Солнце, черезъ свѣтъ, творитъ созданья.
Но сердцу — что виднѣе, чѣмъ мечтанье?
Напѣвъ Лунѣ — наряднѣе сплету.

Какъ Солнечную встрѣтить красоту?
Нѣмѣю въ ослѣпленьи обаянья.
Я съ Солнцемъ знаю счастіе ваянья,
Съ Луной горю и гасну налету.

Всего виднѣй летучее горѣнье.
Ваянья ломки. Устаетъ рука.
Ручей поетъ звучнѣе, чѣмъ рѣка.

Мечта — правдиво-нѣжное влюбленье.
Она прядетъ изъ зыби огонька.
Огонь погасъ. Но зыбь живетъ вѣка.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Весь человѣкъ есть линія волны.
Токъ крови, въ руслахъ жилъ, какъ по ложбинамъ.
Строенье губъ, бровей, зрачокъ съ орлинымъ
Полетомъ къ Солнцу. Волны. Струи. Сны.

Мы влагой и огнемъ воплощены.
И нашу мысль всегда влечетъ къ глубинамъ.
И тотъ же знакъ ведетъ насъ по вершинамъ.
Намъ любо знать опасность крутизны.

Отъ Солнца мы, но мы изъ Океана.
Индійскій сонъ. На влагѣ міровой,
На вѣчномъ мигу ликъ являя свой, —

Съ зарей, велящей просыпаться рано,
Раскрылся чашей лотосъ голубой.
И богъ въ цвѣткѣ. А жизнь цвѣтка медвяна.

СОНЪ ДѢВУШКИ.

Она заснула подъ слова напѣва.
Въ немъ слово «Мой», волненіе струя,
Втекало въ слово нѣжное «Твоя».
И въ жутко-сладкомъ снѣ застыла дѣва.

Ей снилось. Нѣжно у нея изъ чрева
Росла травинка. Брызгалъ плескъ ручья.
Красивая нестрашная змѣя
Ласкалась къ ней. И стебель выросъ въ древо.

Ушли густыя вѣтви въ небеса.
Въ нихъ золотились яблоки и птицы.
Качались громы, молніи, зарницы.

И выросъ лѣсъ. И выросли лѣса.
И кто-то перстень съ блескомъ огневицы
Надѣлъ на палецъ избранной царицы.

РЕБЕНОКЪ.

Ребенокъ, пальчикъ приложивъ къ губамъ,
Мнѣ подарилъ волшебную картинку.
Онъ тонкую изобразилъ былинку,
Которая восходитъ къ небесамъ.

Горѣло Солнце желтымъ шаромъ тамъ.
Былинка, истончившись въ паутинку,
Раскрыла алый цвѣтикъ, котловинку,
Тянувшуюся къ солнечнымъ огнямъ.

Цвѣтокъ, всѣмъ лепестковымъ устремленьемъ,
Былъ жадно къ лику Солнца наклоненъ.
Но не съ любовью, а съ мятежнымъ рдѣньемъ.

Хочу тебя превосходить горѣньемъ.
И Солнце, чтобъ рубинъ былъ побѣжденъ,
Спустилось книзу, съ заревымъ смиреньемъ.

ПЕЧАТИ.

Смотрѣть печати давнихъ прохожденій,
Расчислить спектръ, пронзившій хрустали,
Читать страницы прошлаго Земли,
Слѣды звѣрей, листы иныхъ растеній, —

Почуять сонмы дикихъ привидѣній,
Прозрѣть объемъ существъ, какъ корабли,
Какъ грузные утесы, что могли
Сходиться для любленья и бореній.

Въ застывшей янтаремъ цвѣтной смолѣ
Увидѣть четко маленькую мушку,
Вотъ какъ она гнала свою подружку, —

Чтобы ее обнять въ любовной мглѣ.
И чувствовать, что также ты лишь строчка
Въ Поэмѣ Міра. Всклинъ, вопросъ, и точка.

ВЪ ТѢ ДНИ.

Въ тѣ дни, когда весь міръ былъ Океанъ,
Среди морскихъ неисчислимыхъ лилій,
На праздникѣ первичныхъ изобилій,
Бродилъ горячій творческій туманъ.

Еще не возникало разныхъ странъ.
Поденки-исполины, взмахомъ крылій,
Носились въ полумракѣ безъ усилій,
И каждый хвощъ былъ дикій великанъ.

Лишь папоротникъ въ мертвенномъ болотѣ,
Что пресѣкало Море кое-гдѣ,
Многосаженный, тѣнь ронялъ къ водѣ.

И тишь существъ, беззвучныхъ даже въ летѣ,
Передалась красивѣйшей Звѣздѣ,
Спустившей зерна жизни въ позолотѣ.

НА ОГНЕННОМЪ ПИРУ.

Когда я думаю, что предки у коня,
Въ безчисленныхъ вѣкахъ, чьи густы вереницы,
Являли странный ликъ съ размѣрами лисицы,
Во мнѣ дрожитъ восторгъ, пронзающій меня.

На огненномъ пиру творящаго Огня,
Я червь, я хитрый змѣй, я быстрокрылость птицы,
Умъ человѣка я, чья мысль быстрѣй зарницы,
Сознаніе міровъ живетъ во мнѣ, звеня.

Природа отошла отъ своего Апрѣля,
Но наслоеньями записаны слова.
Мѣняется размѣръ, но пѣсня въ немъ жива.

И Божья новая еще насъ ждетъ Недѣля.
Не такъ ужь далеки предъ ликомъ Божества
Акульи плавники и пальцы Рафаэля.

ДВА ДОСТИЖЕНІЯ.

Два раза человѣкъ былъ въ мудромъ ликѣ змѣя: —
Когда онъ приручилъ къ своимъ дѣламъ огонь,
Когда имъ укрощенъ былъ дико ржущій конь, —
И покорить коня гораздо мудренѣе.

Огонь постигнутый горитъ, грозя и рдѣя,
Но подчиняется, лишь въ плоть его не тронь.
А сдѣлать, чтобы звѣрь былъ бѣгъ твоихъ погонь
Стократно трудная и хитрая затѣя.

Въ сказаньи о Брингильдъ мы видимъ, кто
сильнѣй.
Оплотомъ сна ея служилъ не дубъ, не камень,
А зачарованный непогасавшій пламень.

Но проскакалъ Сигурдъ сквозь изгородь огней.
Былъ побѣдителемъ, сказаньемъ званый Грани,
Ведомый духомъ конь, въ сверканьи состязаній.

ВЪ ЖЕРЛѢ.

Всей роскошью измѣнъ не вовсе смытъ
Ликъ прошлаго съ уступами крутыми.
И я люблю прозрѣть, какъ въ нѣкомъ дымѣ,
Въ жерлѣ столѣтій бывшій яркимъ бытъ.

Прильнулъ къ землѣ застывшій слѣдопытъ.
Онъ знаетъ, что лощинами лѣсными
Пройдетъ табунъ. Кобылы, а за ними
Строй жеребцовъ. Чу. Дальній гулъ копытъ.

Но нѣтъ. Но нѣтъ. Идутъ иныя ноги.
Звукъ конскихъ ногъ стройнѣй. Онъ не таковъ.
Товарищи. Скорѣе на быковъ.

Они идутъ, размѣрны, крутороги.
Арканъ со мной. Лукъ со стрѣлой готовъ.
Еще крутится пыль на той дорогѣ,

ЗВѢРОЛОВЪ.

Когда царилъ тотъ сильный звѣроловъ,
Что міру явленъ именемъ Немврода,
Чуть зачинала сны временъ природа,
И раемъ былъ любой лѣсистый ровъ.

Не кроликовъ и не переπеловъ
Онъ въ сѣти уловлялъ. Иного рода
Ловить звѣрей была ему угода.
Взлюбилъ онъ коготь, клыкъ, и рогъ, и ревъ.

Когда громадой, въ любострастномъ мигѣ,
Шелъ мастодонтъ мохнатый, разъяренъ,
Навстрѣчу шелъ и улыбался онъ.

На звѣря сбоку вдругъ бросалъ вериги.
И записали въ словѣ Древней Книги: —
«Сей началъ быть могучимъ въ снѣ временъ».

ПЕЩЕРНИКЪ.

Въ пещерѣ начерталъ онъ на стѣнѣ
Быковъ, коней. И чаровали гривы.
Онъ былъ охотникъ смѣлый и счастливый.
Плясали тѣни сказокъ при огнѣ.

Жена, смѣясь, склонялася къ женѣ.
Ихъ было семь. Семьею говорливой,
Порою дружной, а порой бранчливой,
Всѣ были только съ нимъ въ любовномъ снѣ.

Сидѣлъ поодаль онъ. И духъ мечтанья
Его увелъ въ безвѣстную страну.
Онъ былъ тамъ блѣденъ. И любилъ одну.

Въ томъ краѣ были сказочныя зданья.
Онъ былъ въ нихъ царь. И вдругъ въ его сознанье
Мечта вонзила звонкую струну.

МЛАДШІЙ.

Ватага наохотилась и ѣла.
Хрустѣли кости лошадей и козъ
Вокругъ костровъ. Тамъ дальше былъ откосъ.
И онъ сидѣлъ у самаго предѣла.

Онъ съ краю былъ. Меньшой. Такое дѣло
Какъ бить звѣрей въ немъ не будило грезъ.
Онъ съѣлъ кусокъ добычи. Кость поднесъ.
Тамъ дырка. Глянулъ. Дунулъ. Кость запѣла.

Обрадованъ, онъ повторялъ тотъ звукъ.
Журчащій свистъ. Онъ былъ похожъ на птицу.
Кругомъ смѣялись. Но ужь онъ цѣвницу

Почувствовалъ. Движенье ловкихъ рукъ.
Отверстья умножали голосъ мукъ.
Всклидъ счастья. Онъ зажегъ свою зарницу.

ПОСВЯЩЕННЫЕ.

Колебля легкій въ воздухѣ уборъ,
Папирусъ молча смотритъ въ воды Нила.
На влагѣ бѣлоснѣжное кадило,
Заводитъ лотосъ съ утромъ разговоръ.

Изидѣ, Озирису, и Гаторъ
Возноситъ пѣснь — живыхъ сердецъ горнило.
Дабы въ столѣтьяхъ Солнце сохранило
Тѣхъ вѣрныхъ, не вступившихъ съ Богомъ
въ споръ.

Познавшіе всѣ тайны смертной ямы,
И всѣ пути, по коимъ ходитъ страсть,
Глядятъ жрецы, являя ликомъ власть.

Аллеи сфинксовъ. Обелиски. Храмы.
И разнимая розовую пасть,
Какъ идолы въ водѣ — гиппопотамы.

КРАЙ ОЗИРИСА.

Нѣмой покой. Гробница мастаба.
На красноватомъ золотѣ Сахары.
Внутри — картины выявляютъ чары.
Въ Египтѣ живы самые гроба.

Четырекратно ворожитъ Судьба.
Востокъ и Югъ — горячіе пожары.
Закатъ и Сѣверъ — свѣтъ, когда мы стары.
Аменти, гдѣ окончена борьба.

Край Озириса, Гора, и Изиды.
Папирусъ. Лотосъ. Пальма. Тамарискъ.
Храмъ духа, свѣтятъ алымъ пирамиды.

Могучій Ра высоко поднялъ дискъ.
И какъ копье оконченной обиды,
Какъ пламень камня — всходитъ обелискъ.

ДВА МІРА.

Я слушалъ голосъ древнихъ посвященныхъ,
Что пили Солнце, какъ мы пьемъ вино,
Съ Луной горѣли тайной заодно,
И знали поступь духовъ въ травахъ сонныхъ.

Я слышалъ гулъ колоколовъ всезвонныхъ,
Которымъ возвѣщать въ просторъ дано,
Что выковано новое звено,
Для душъ, изъ смертныхъ страховъ изведенныхъ.

Мнѣ ближе тѣ, которые древнѣй.
И больше правды въ лицахъ загорѣлыхъ,
Безбрежное замкнуть въ земныхъ предѣлахъ

Не мыслившихъ. Они въ разбѣгѣ дней
Давали гроздья счастья, ягодъ спѣлыхъ,
И, кончивъ жизнь, легко прощались съ ней.

КРУГОЗОРЪ.

Я зналъ въ вѣкахъ, какъ рухнулъ мастодонтъ,
Я строилъ западню объемной ямы.
Узнали дротикъ мой гиппопотамы.
Я велъ въ войнѣ свирѣпый фронтъ на фронтъ.

Позднѣй, Китайскій свой раскрывши зонтъ,
Землѣ и Небу выстроилъ я храмы.
Въ другой странѣ возславилъ имя Брамы.
По кругу весь прошелъ я горизонтъ.

Отъ Индіи, гдѣ сказочны бананы,
И духовъ столько, сколько мушкары,
Я прочь ушелъ, иной ища игры.

И я люблю надрѣчные туманы,
И въ дни декабрьской трезвенной поры
Разумныхъ мыслей сны и караваны.

ПРИЗЫВЪ.

Какъ птица ткачъ прилежно ткетъ узоръ,
Мѣшокъ гнѣзда, гдѣ красота скрѣпленья
Невольно вызываетъ изумленье,
Вися съ вѣтвей надъ зеркаломъ озеръ, —

Какъ многогранен мухи зоркій взоръ,
Включившій въ глазъ многосторонность зрѣнья, —
Какъ Эскимосъ лишь хочетъ примиренья,
И воинскій не дѣлаетъ уборъ, —

Такъ я, бродя по травянымъ пустынямъ,
Отъ островов блуждая къ островамъ,
Узналъ, что правовѣренъ каждый храмъ, —

Гдѣ духъ сполна прильнулъ къ своимъ святынямъ
О, братья міра. Гнѣвъ свой да покинемъ, —
И строить въ мірѣ мѣсто будетъ намъ.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ.

Есть однодневка. Есть одноминутка.
И есть односекундка межь звѣрей.
Въ рядахъ періодическихъ дробей
Спустись къ глубоководностямъ разсудка.

Предѣла нѣтъ. Стихъ прозвучалъ какъ шутка.
Онъ грознымъ сталъ. И Преисподней всей
Не вычерпаешь маленькій ручей.
Счетъ жизней — счетъ снѣжинокъ первопутка.

Не кажется мнѣ больше мастодонтъ
Необъяснимо-тяжкимъ и безмѣрнымъ.
Вершокъ мой старый сталъ давно невѣрнымъ.

У каждыхъ глазъ различный горизонтъ.
И черезъ пропасть прыгающимъ сернамъ
Проналъ — не срывъ, а спускъ по сходамъ мѣрнымъ.

СООТНОШЕНЬЯ.

Алмазны скрѣпы всѣхъ соотношеній,
Вездѣ узоръ ихъ музыки ловлю.
Какъ волны льнутъ къ сѣдому кораблю,
Умъ ластится къ теченіямъ внушеній.

Медуза въ Океанѣ — пышный геній,
Какихъ въ людскихъ свершеньяхъ я люблю.
Когда дорогу къ ней отъ низшихъ длю,
Я вижу, какъ въ ней много достиженій.

Я научился зодчеству у птицъ,
Въ тѣ дни Земли, какъ вѣдалъ лишь охоты.
Я за звѣрьми вступилъ въ глухіе гроты.

Я перенялъ съ растеній листъ страницъ.
И, напитавшись духомъ медуницъ,
За соловьемъ свои расчислилъ ноты.

ЗЕРНО.

Двуликій знакъ, — взглянувъ, переверни,
Въ ладони подержавъ, — зерно ржаное.
Двѣ ипостаси. Тайные здѣсь двое.
Несчетное въ себѣ таятъ они.

Чуть зримый ротъ, пьянящій искони.
Начало ласкъ. Горнило вѣковое.
Другой же обликъ — жезлъ, что въ тайномъ зноѣ
Пронзитъ вѣка, и донесетъ огни.

А вмѣстѣ — лишь зерно. И если тайный
Тотъ поцѣлуй — земной не приметъ плѣнъ,
Изсохнетъ самъ въ себѣ, безъ перемѣнъ.

А внизъ сойдетъ, къ чертѣ необычайной,
Узнаетъ смерть въ любви, и тьму, и тлѣнъ.
И выйдетъ къ Солнцу — нивою безкрайной.

СНОПЫ.

Снопы стоятъ въ поляхъ какъ алтари.
Въ нихъ красота высокаго значенья.
Былъ древле часъ, въ умахъ зажглось реченье: —
«Не только кровь, но и зерно сбери».

Въ колосьяхъ отливаютъ янтари.
Богаты ихъ зернистыя скопленья.
Въ нихъ теплымъ духомъ дышетъ умиленье.
Въ нихъ золото разлившейся зари.

Какъ дологъ путь отъ быстрыхъ зеренъ сѣва
До мига золотого торжества.
Вся выгорѣла до косы трава.

Гроза не разъ грозилась жаромъ гнѣва.
О, пахари. Подвижники посѣва.
Въ васъ Божья воля колосомъ жива.

КРОВЬ ПУТАЕТЪ.

Кровь путаетъ, толкаетъ, и пьянитъ,
Совѣта лишь въ своихъ вскипаньяхъ спроситъ.
Пятнаетъ, омываетъ, и возноситъ
Дѣла временъ и выси пирамидъ.

Въ пыланьи розы кровь. И хмѣль ей свитъ,
Хотя она не красный цвѣтъ въ немъ носитъ.
И сѣетъ, сѣетъ. Станетъ, коситъ, коситъ.
И ледъ скуетъ. И явитъ снѣжный видъ.

Отшельникъ, что десятки лѣтъ въ пустынѣ
Замаливаетъ грѣхъ подъ звонъ оковъ,
И дѣвушка, что свѣтитъ по долинѣ,

И смотритъ въ жизнь, и смотритъ въ небо сине, —
Не равны ль вы? Аминь, скажу я, нынѣ,
И присно, и во вѣки всѣхъ вѣковъ.

БРУСНИКА.

Огонь, перебѣгающій въ брусникѣ,
Сошелъ съ махрово-огненныхъ свѣтилъ,
Малину и калину расцвѣтилъ,
Неполно пробѣжалъ по земляникѣ.

Отобразился въ страстномъ счастья крикѣ,
У дѣвушки въ щекахъ, играньемъ силъ,
Румянецъ нѣжнымъ заревомъ сгустилъ,
Ея глаза пугливо стали дики.

И, чувствуя, что въ ней горитъ звѣзда,
Которой любо всюду видѣть алость,
Она влагаетъ искру даже въ малость.

Она смѣется, а въ глазахъ бѣда,
Проходитъ, и пылаютъ города,
Проводитъ въ мірѣ огненную шалость.

МІРЪ БЛАГОВѢСТІЯ.

Какой онъ благолѣпный, благовонный,
Какой онъ благозвонный, свѣтлый лѣсъ.
Въ немъ ничего изъ сказки похоронной,
Въ немъ только благовѣстіе чудесъ.

Едва въ него вошелъ, какъ духъ воскресъ.
Задумчивый, баюкающій, сонный,
Зеленыхъ преисполненный завѣсъ,
Хранитель жизни многомилліонной.

Я вижу зыбкій стебель лисій хвостъ,
Я становлюсь тихонько на колѣни,
Чтобъ ближе видѣть тонкій трепетъ млѣній.

Кругомъ въ цвѣтахъ мнѣ зрима розсыпь звѣздъ.
Вдыхаю сладкій духъ благоволеній.
Мнѣ изумрудъ къ забвенью строитъ мостъ.

НАУКА.

Я ласково учусь зеленой тишинѣ,
Смотря, какъ царственны, сто лѣтъ проживши, ели.
Онѣ хранятъ свой цвѣтъ, пріемля всѣ мятели,
И жалобы въ нихъ нѣтъ, и жалобъ нѣтъ во мнѣ.

Я голубой учусь у неба вышинѣ,
У вѣтра въ камышахъ учился я свирѣли.
Отъ облаковъ узналъ, какъ много сновъ въ кудели,
Какъ вольно, сны создавъ, ихъ въ бурномъ сжечь огнѣ.

Я красному учусь у пламеннаго мака,
Я золото беру у солнечныхъ лучей,
Хрустальности мечты училъ меня ручей.

А если мышь мелькнетъ, и въ ней ищу я знака.
Зима скуетъ порывъ и сблизитъ берега,
И бѣлый мнѣ псаломъ споютъ безъ словъ снѣга.

СРЕДИ ДЕРЕВЪ.

Среди деревъ, ихъ лапъ, узловъ, рогатинъ,
Столѣтнихъ елей, благовонныхъ липъ,
Старинный шорохъ, шелестъ, гулъ, и скрипъ,
Особый ладъ, который благодатенъ.

Дрожатъ сквозь листья брызги свѣтлыхъ пятенъ.
А тутъ, внизу, пробился крѣпкій грибъ.
Выводитъ травка шаткій свои изгибъ.
Духъ павшихъ листьевъ густо ароматенъ.

Летучей кошкой проплыла сова,
И, сѣвши, смотритъ круглыми глазами,
Не видя. Дождь прошелъ. И лишь слезами

Алмазными чуть-чуть горитъ трава.
Войдемъ въ великій праздникъ Вещества,
Здѣсь каждый атомъ полонъ голосами.

ДРЕВЕСНАЯ КОРА.

Въ корѣ древесной столько же расщелинъ
Какъ на пространствѣ всей Земной коры.
Вулканъ, не есть ли онъ жерло поры,
Гдѣ шмель Огня, который безпредѣленъ?

Безбреженъ гудъ таинственныхъ моленъ.
Вулканъ вездѣ. Во всемъ огонь игры.
Съ Земли до Неба, къ Брату отъ Сестры,
Любовный пиръ, который вѣчно хмѣленъ.

Здѣсь пріютился маленькій комокъ
Чуть зримыхъ мшинокъ. Тихое веселье.
Аулъ среди Дарьяльскаго ущелья.

Жучки влѣзаютъ въ маленькій домокъ.
Въ Природѣ не найдешь нигдѣ бездѣлья.
Они выводятъ стройный городокъ.

ОХОТА.

Шмели — бизоны въ клеверныхъ лугахъ.
Какъ бычій ревъ глухой — ихъ гудъ тяжелый.
Медлительныя ламы, ноютъ пчелы.
Пантеры — осы, сѣющія страхъ.

Вверху, на золотистыхъ берегахъ,
Горячій Шаръ струитъ потокъ веселый.
Залиты свѣтомъ нивы, горы, долы.
Несчетныхъ крылъ вездѣ кругомъ размахъ.

Визгъ ласточекъ. Кричатъ ихтіозавры.
Какъ остріе — стрижей летящій свистъ.
Гвоздики въ вѣтрѣ, молча, бьютъ въ литавры.

Утайный кустъ цвѣточенъ и тѣнистъ.
И выползъ звѣрь. Шуршитъ о вѣтку вѣтка.
Мохнатый мамонтъ. Жуткая медвѣдка.

КРОТЪ.

Отъ дѣтскихъ дней я полюбилъ крота,
За то что ходитъ въ бархатной онъ шубкѣ,
И бѣлизной его сіяютъ зубки,
И жизнь его, среди существъ, не та.

Подземное, ночное, темнота.
Межь тѣмъ какъ въ солнцѣ жадныя голубки
Глупѣютъ отъ пригоршни желтой крупки,
Онъ все одинъ, и тамъ онъ, гдѣ мечта.

Внизу, вглуби, гдѣ вѣрно есть аллеи,
И духовъ черныхъ башни и дворы,
Гдѣ странные полночные пиры, —

Гдѣ земляные черви точно змѣи,
Съ приказомъ жить лишь тамъ, а если тутъ
Покажутся, немедленно умрутъ.

СОДРУЖЕСТВО.

Въ саду стоитъ работавшая лейка.
Всѣ политы цвѣты. Имъ лучше такъ.
Жасминъ — земной звѣзды являетъ знакъ.
Зеленаго вьюнка крутится змѣйка.

Цвѣтовъ и травъ царица-чародѣйка,
Лелѣетъ роза въ чашѣ теплый мракъ.
Съ ней споритъ въ аломъ распаленный макъ.
Въ лугахъ пастухъ. Стадамъ поетъ жалейка.

Тамъ дальше лѣсъ. А передъ нимъ рѣка,
Широкая, хрустальная, нѣмая.
Два берега, въ руслѣ ее сжимая, —

Водѣ даютъ переплеснуть слегка.
И нѣжный цвѣтъ зеленаго жука
Горитъ, съ травы игру перенимая.

ЗМѢЙ.

Уходитъ длинной лентою рѣка,
Среди луговъ, холмовъ, лѣсовъ синѣя,
Служа нѣмымъ изображеньемъ Змѣя,
Что спитъ и спитъ и будетъ спать вѣка.

Лишь дышутъ зыбью сильные бока,
Тамъ чешуя, волнообразно млѣя,
Мгновенія подъятія лелѣя,
Горитъ и манитъ взоръ издалека.

Покошены кусты душистой кашки,
Вольнѣе ходитъ вѣтеръ по травѣ.
Толкачики — на службѣ, какъ монашки.

Чирикаютъ кузнечики въ овражкѣ.
Но Змѣй заснулъ. Лишь сны его, въ плотвѣ,
Сверкаютъ вкось по влажной синевѣ.

ЛАСТОЧКА.

О чемъ, летая, ласточка щебечетъ?
Слѣпляя грязь въ уютнѣйшій домокъ,
Выводитъ въ немъ малютокъ въ краткій срокъ,
Сама — мала, но и смѣла, какъ кречетъ.

При встрѣчѣ съ ней воронѣ выпалъ нечетъ.
Касатка мчитъ. Та — «Каркъ!» — и на утекъ.
И вновь поетъ, прядетъ, струнитъ намекъ,
Летитъ, журчитъ, и грезитъ, и лепечетъ.

Я знаю. Ей уютно въ мірѣ тутъ.
Тѣ звѣри-блѣдноликн, не изъ малыхъ,
Что подъ ея окномъ селятся въ залахъ, —

Къ ней благосклонны, гибель ей не ткутъ.
А въ воздухѣ, въ лазоревыхъ провалахъ,
Стадами мошки прямо въ ротъ текутъ.

ЖУЖЖАНЬЕ МУХЪ.

Жужжанье мухъ. О свѣтлое стекло
Упрямое ихъ тонкое біенье.
И странная прозрачность раздѣленья.
Все это вмѣстѣ мысль мою влекло, —

Въ тѣ дни, когда въ полуверстѣ село
Являлось чѣмъ-то въ дымкѣ отдаленья,
Гдѣ буду вновь я только въ воскресенье,
Когда звучатъ колокола свѣтло.

Съ тѣхъ поръ ужь скоро минетъ полстолѣтья.
Но мнѣ дано быть долго молодымъ.
Я въ пламени. Меня не тронетъ дымъ.

Еще желаю цѣлый міръ пропѣть я.
И не съ людьми я въ это лихолѣтье.
Я, звѣздъ, и птицъ, и мошекъ — побратимъ.

ДОГОВОРЪ.

Я въ договоръ вступилъ съ семьей звѣриной
Отъ дѣтскихъ дней. Строй чувствъ у насъ одинъ.
Любовь къ любви. Искусство паутинъ.
Я былъ бы равнымъ въ стаѣ лебединой.

Часами я передъ болотной тиной
Сидѣлъ, какъ неизвѣстный властелинъ,
Что смотръ устроилъ всѣхъ своихъ дружинъ,
И какъ художникъ предъ своей картиной.

Мнѣ не безвѣстенъ черный плавунецъ.
Я не однажды говорилъ съ тритономъ.
Осоки лезвiились по затонамъ.

И цѣлымъ роемъ золотыхъ сердецъ,
И алыхъ, по зеленымъ рдѣли склонамъ
Цвѣты, шепча, что Солнце ихъ отецъ.

СВѢЧА.

Я мыслью прохожу по всѣмъ мірамъ,
Моя свѣча предъ каждою иконой.
Но если лѣсъ кругомъ шумитъ зеленый,
Я чувствую, что это лучшій храмъ.

Я прохожу неспѣшно по горамъ,
Въ нихъ каждый камень истуканъ точеный.
Не райской птицей, а простой вороной
Я иногда ведомъ къ высокимъ снамъ.

Звукъ карканья неловкой сѣрой птицы
Неопытенъ въ разрядѣ звуковомъ,
Но даже въ немъ есть пѣсня и псаломъ.

Чернильной краской врошенъ я въ страницы
Блестящія. И чую гулкій громъ,
Когда чуть вьется дымка отъ криницы.

У СТЕБЕЛЬКА.

Я задремалъ, смотря на стебелекъ,
Въ косыхъ лучахъ пылающаго Шара.
И вотъ лицо, которое не старо,
Но древне, увлекло меня въ потокъ.

Я былъ красивъ, уклончивъ, и высокъ.
Легко скользилъ по крутоему яра.
Станица гдѣ-то въ пламеняхъ пожара
Горѣла и сгорѣла въ краткій срокъ.

Я проходилъ въ серебряныхъ туманахъ.
Я по широкой уплывалъ рѣкѣ.
Двѣ бѣлыя звѣзды невдалекѣ

Меня вели въ спокойно-звѣздныхъ странахъ.
А Ночь, во-внѣ, зажгла, для сновъ медвяныхъ,
Двѣ капельки росы на стебелькѣ.

СВѢТЛАЯ НОЧЬ.

Весь слитный садъ не шелохнетъ листомъ.
Безгласны лунно-сонныя аллеи.
Въ лазурномъ небѣ облачныя змѣи.
И дышетъ тайна всюду подъ кустомъ.

Вотъ тутъ построилъ ежъ свой малый домъ.
Вонъ тамъ въ дуплѣ пчелиныя затѣи.
Здѣсь въ маргариткѣ побывали феи.
Кузнечикъ въ ночь кричитъ: «А что потомъ?»

Потомъ — за край, весь міръ пройдя по краю,
Какъ въ воздухъ безъ борьбы уходитъ звукъ,
Какъ съ крайняго листка скользитъ паукъ.

Вотъ, паутинку здѣсь я закрѣпляю.
Въ моей душѣ ни страха нѣтъ, ни мукъ,
Хотя въ умѣ великое: «Не знаю».

ВСЕЛЕНСКІЙ СТИХЪ.

Мы каждый часъ не на Землѣ земной,
А каждый мигъ мы на Землѣ небесной.
Мы цѣльности не чувствуемъ чудесной,
Не видимъ Моря, будучи волной.

Я руку протянулъ во мглѣ ночной,
И ощутилъ не стѣны кельи тѣсной,
А нѣкій міръ, огромный, безтѣлесный.
Горитъ мой разумъ въ уровень съ Луной.

Поднявъ лицо, я Солнцу шлю моленье,
Склонивъ лицо, молюсь душой Землѣ.
Весь Звѣздный міръ — со мной какъ въ хрусталѣ.

Міры поютъ, я голосъ въ этомъ пѣньѣ.
Пловецъ я, но на звѣздномъ кораблѣ.
Изъ радугъ льется звонъ стихотворенья.

МУДРОСТЬ ВЕСНЫ.

Я долго думалъ, пытку унимая,
Что смысла нѣтъ въ мучительствѣ скорбей.
Но благо знать, что въ боли есть ручей,
И можно жить, его струѣ внимая.

Лѣса не сразу знаютъ счастье мая.
Шесть лунъ имъ льютъ мертвящій токъ лучей.
И вотъ онъ, май. Свѣтись же горячѣй,
Съ деревъ умѣнье быть перенимая.

Они внимали вою жесткихъ бурь,
Учась у вьюгъ напѣвамъ колыбельнымъ.
Умѣй молчать какъ-будто въ снѣ смертельномъ.

Но въ часъ весны ты больше взоръ не хмурь.
Чтобъ вѣдать май, съ его восторгомъ цѣльнымъ,
Должна въ себѣ вмѣстить сто зимъ Лазурь.

ЛѢСЪ.

Могучій лѣсъ, то стройный, то косматый,
Къ единству свелъ всѣ разности деревъ.
Здѣсь нѣкій Демонъ Древа сѣялъ сѣвъ,
И камни разбросалъ своей лопатой.

Онъ ворожитъ надъ чащей вороватой,
Въ оврагахъ выявляетъ темный зѣвъ.
Взрываетъ гулъ, и сразу присмирѣвъ,
Съ земли повѣетъ сладостною мятой.

Кукушкой о любви прокуковавъ,
Костры разсыпалъ красной земляники.
Зайчатъ молиться учитъ въ маломъ крикѣ.

Далъ бѣлкѣ быстрый, птицамъ пѣвчій, правъ.
Велѣлъ грибамъ быть въ радованьи рдяномъ.
Да будетъ всякъ — въ лѣсу — Великимъ Паномъ.

ЗАВѢТЪ.

Высокій красный лѣсъ, сквозные боры,
Измятый вѣтромъ, дикій буреломъ,
Мѣдянка, тусклымъ свитая узломъ,
Лѣсныхъ вершинъ глухіе разговоры, —

Луга, холмы, раздробленныя горы,
Камней огромныхъ косвенный изломъ,
Тиски стремнинъ, гдѣ бури копятъ громъ,
Плетя ему пушистые уборы, —

Вотъ міръ, достойный помысла и струнъ.
Вели мечтамъ, чтобъ въ бѣгѣ были рьяны,
Какъ ржущій убѣгающій табунъ, —

Какъ враній голосъ чернокнижныхъ рунъ,
Какъ пчелы, что отъ красныхъ маковъ пьяны, —
Чтобъ знать, что ты воистину былъ юнъ.

ТВОРЧЕСТВО.

О творчествѣ тоскуя съ дѣтскихъ дней,
Дитя, лѣпилъ я облики изъ глины,
И въ пальцахъ ощущалъ восторгъ единый,
Быть можетъ, поцѣлуя онъ нѣжнѣй.

Въ дрожаньи струнъ, въ мельканіяхъ тѣней,
Въ сверканіяхъ летящей паутины,
Внезапно открывались мнѣ картины,
Вдругъ пѣснь поетъ, я звукъ горящій въ ней.

Упорный полюсъ, тамъ гдѣ все — теченье,
Мигъ Божества въ сознаніи людскомъ,
Въ разбѣгъ весны упавшій снѣжный комъ, —

Свяжу снопомъ несчетныя сравненья,
Но не схвачу я молнійный изломъ,
Не очерчу словами — вдохновенье.

ГОЛУБОЙ СОНЪ.

Отъ незабудокъ шелъ чуть слышный звонъ.
Цвѣточный гудъ лелѣя надъ крутыми
Холмами, васильки, какъ въ синемъ дымѣ,
Въ далекій уходили небосклонъ.

Качался въ легкомъ вѣтрѣ ломкій ленъ.
Вьюнокъ лазурилъ змѣйками витыми
Стволы деревъ съ цвѣтами молодыми.
И каждый стволъ былъ свѣтомъ обрамленъ.

И свѣтъ былъ синь. Кипѣла въ перебоѣ
Волна съ волной. Лазурь текла въ лазурь.
Павлины спали въ царственномъ покоѣ.

Весь міръ въ пространство перешелъ морское.
И въ этомъ снѣ, не знавшемъ больше бурь,
По небу плыло Солнце голубое.

ЛИПОВЫЙ ЦВѢТЪ.

Успокоителенъ медвяный ароматъ
Нешелестящихъ липъ, согрѣтыхъ за день въ зноѣ.
Зеленомудрое молчанье вѣковое,
Изваянность и сонъ, въ объемѣ ихъ громадъ.

Какъ-будто на сто лѣтъ уснулъ душистый садъ,
Пріявши власть любви, хранитъ ее въ покоѣ.
И зеркало пруда — какъ зеркало морское,
Гдѣ Млечнаго Пути безгласный водоспадъ.

Крестообразная дремотствуетъ аллея.
Подъ узловатою, таящей рябь, корой
Проходятъ жилы норъ, чуть зримыхъ жизнь лелѣя.

Подъ выступомъ дупла не логовище змѣя,
Въ шуршаньи бредовомъ пчелиный дикій рой.
Межъ днемъ и днемъ въ ночи хмѣльная сновъ затѣя.

МУДРОСТЬ.

Замедля мыслью зрящею въ звѣриномъ,
Любовно возвращаясь къ тѣмъ рядамъ,
Которымъ имена пропѣлъ Адамъ,
Блуждая съ Евой по лѣснымъ долинамъ, —

Ваяя духъ свой такъ, чтобъ онъ къ картинамъ
Земли и Неба шелъ, какъ входятъ въ храмъ,
Ни за какое счастье не отдамъ
Я мудрость змѣя съ сердцемъ голубинымъ.

Въ извивѣ, ртомъ касаясь до хвоста,
Объемлетъ онъ весь кругъ міротворенья.
Въ немъ Океанъ. Въ немъ голубое млѣнье.

И въ двухъ былинкахъ знаменье креста.
Я знаю, міромъ водитъ Красота,
Чтобъ въ безднѣ звѣздъ не умолкало пѣнье.

ЗДАНІЕ.

Изъ донесенной пламеннымъ жерломъ,
Въ разлитіи остывшей, плотной лавы
Основа дома. Стѣны — изъ дубравы.
На срубахъ — мохъ невянущимъ узломъ.

Послушать любятъ, какъ играетъ громъ,
Изъ ясеня и клена архитравы.
Конекъ вѣтрамъ вѣщаетъ: «Всѣ вы правы».
Лазурь за каждымъ сторожитъ угломъ.

Уходитъ въ высь игла изъ чистой стали.
На стали — пурпуръ. Знамя — Красота.
Рѣзвятся въ небѣ тучки. Та и та.

А небо — цвѣтъ изысканной эмали.
И громъ велитъ, чтобъ каждая мечта,
Идя къ другой, была какъ звукъ въ хоралѣ.

СОКРОВЕННОСТЬ.

Мой путь среди утесовъ крутоеменъ.
Но я нашелъ въ объемѣ дикихъ скалъ,
Чего, любя красивое, искалъ.
И мнѣ не жаль, что въ мірѣ я бездоменъ.

Привольно духу въ срывахъ тѣхъ хороминъ,
Что Геній Горъ, когда онъ низвергалъ
На глыбу глыбу, для себя слагалъ.
Я царствую среди каменоломенъ.

Въ моихъ ночахъ цвѣтетъ стоцвѣтъ, алмазъ.
Изъ аметистовъ млѣющія стѣны.
Опалъ мерцаетъ, ворожа измѣны.

Для перстня камень есть кошачій глазъ.
Всѣ камни къ свѣту вырвутся въ свой часъ,
Какъ Красота — изъ океанской пѣны.

ПЕРСТЕНЬ.

Изъ золота чистѣйшаго оправа.
Линейность совершеннѣйшая, кругъ.
Чуть шевельнешь, и заиграетъ вдругъ
Въ гнѣздѣ всѣхъ красокъ — огненная слава.

Лучи бѣгутъ налѣво и направо.
Горитъ. Пожаръ утонченный вокругъ.
Въ немъ только радость, если ты мнѣ другъ.
А если недругъ, сила въ немъ удава.

Въ захватной лапкѣ цѣпкаго гнѣзда
Три камня. Изумрудный, алый, синій.
Раздѣльно-тріединая звѣзда.

Качнешь вотъ такъ, увидишь города.
Они твои. Качнешь вотъ такъ, пустыней
Безжизненной ты скованъ навсегда.

АКВАМАРИНЪ.

Аквамаринъ, струясь по ожерелью,
Втекаетъ въ переливную волну,
Которая поетъ про глубину,
Зеленовато-свѣтлою свирѣлью.

Цвѣта въ цвѣты съ лукавой входятъ цѣлью
Расширить власть, увлечь къ любви и сну,
Звено съ звеномъ вести въ вѣка весну,
Цвѣта влекутъ насъ къ хмѣлю и похмѣлью.

Цвѣты землѣ. Цвѣта и въ глубь земли
Уходятъ, напѣвая завлеченье.
Аквамаринъ глубинное теченье.

Въ землѣ рыдали страстью хрустали.
Влюбились въ листъ. Ихъ мысли въ нихъ зажгли
Зеленовато-зыбкое свѣченье.

ЛУЧШІЙ СТИХЪ.

Прекрасно-тяжки золотые слитки,
Природою заброшенные къ намъ.
Прекрасенъ вихрь, бѣгущій по струнамъ,
Ручьистость звуковъ, льющихся въ избыткѣ.

Прекрасна мудрость въ пожелтѣломъ свиткѣ,
Сверканья тайнъ, огонь по письменамъ.
Прекраснѣй — жизнь отдать бѣгущимъ снамъ,
И расцвѣтать съ весной, какъ маргаритки.

Изъ всѣхъ, мечтѣ дарованныхъ, цвѣтовъ,
Быть-можетъ, этотъ цвѣтикъ самый скромный,
Такой простой, невинный, неизломный.

Въ немъ не отыщешь орхидейныхъ сновъ,
Ни тѣхъ, что ирисъ дастъ изящно-темный.
Но лучшій стихъ — гдѣ очень мало словъ.

ЗЕРКАЛЬНОСТЬ.

Въ прерывистыхъ и скорыхъ разговорахъ,
О сказочномъ, о счастьи, бытіи,
Мнѣ нравятся реченія твои,
Въ нихъ искра, зажигающая порохъ.

Что ты не замедляешься на спорахъ,
А льешь свой умъ, какъ вспѣвность льютъ ручьи
Что выпѣваешь душу въ забытьи, —
Люблю, и слышу крыльевъ нѣкій шорохъ.

Какъ полубогъ Эллады, Гераклитъ,
Съ усладой, правду видишь ты двойную.
Ты какъ бы зовъ: «Люблю, но не ревную».

Ты словно ликъ загрезившихъ ракитъ: —
Вода зеркалитъ вѣтку вырѣзную,
Другая вѣтка связь съ землей крѣпитъ.

ХУДОЖНИКЪ.

Къ сосцамъ могучей Матери Земли,
Протянутымъ всѣмъ подлиннымъ и сущимъ,
Припавъ, какъ сынъ, ты жадно пьешь сосущимъ
Лобзаніемъ и медъ и миндали.

И ландыши, что пьяно расцвѣли,
Какъ свѣчечки по многотѣннымъ кущамъ,
И яркій день, что жжетъ огнемъ нелгущимъ,
И громкій смѣхъ, и тихій звонъ вдали.

Ни раною, ни мыслью не отравленъ,
Въ размѣрности ты все вбираешь въ сонъ
Своихъ зрачковъ. Ты какъ бы сынъ племенъ, —

Которымъ первый мигъ Земли былъ явленъ.
Весь цѣльный лучъ въ тебѣ сейчасъ прославленъ,
Хоть радугой еще не преломленъ.

РАЗЛИЧНОСТЬ.

На слизистой спинѣ нѣмой медузы
Изображенъ краснорѣчивый крестъ.
Цвѣты цвѣтутъ среди проклятыхъ мѣстъ.
Различность любитъ странные союзы.

Публичный домъ неразъ воспѣли Музы.
И развѣ тамъ не тысяча невѣстъ?
Взгляни въ себя. Взгляни душой окрестъ.
Связуютъ все таинственныя узы.

Не геній ли, не мощный ли Шекспиръ,
Отвергнувъ жизнь средь королей и славы,
Взлюбилъ, преклонный, малыя забавы?

Познавши весь многообъемный міръ,
Любилъ играть онъ въ шахматы. И въ этомъ
Онъ до конца высокимъ былъ поэтомъ.

ПРОЗРѢНІЕ.

За днями мелководія мечты
Бываютъ дни — въ сознаньи все напѣвнѣй,
И слышишь голосъ Міра, голосъ древній,
Идущій изъ глубокой темноты.

Приходитъ вдругъ. Сидишь случайно ты
Предъ малой деревенскою харчевней,
Такой, что, можетъ, нѣтъ другой плачевнѣй,
И чувствуешь — безбрежность Красоты.

Слѣпой скрипачъ пиликаетъ убого.
Куда ведетъ онъ жалкій свой смычокъ?
Въ бездонность. Сердце чувствуетъ намекъ.

Мы всѣ здѣсь въ мірѣ — въ вѣрной длани Бога.
Онъ всѣмъ намъ задалъ выполнить урокъ.
Для каждаго — лишь звѣздная дорога.

ДАЛЕКОЕ.

Когда весь міръ какъ-будто за горой,
Гдѣ все мечта и все недостовѣрно,
Подводный я любилъ романъ Жюль-Верна,
И Нэмо Капитанъ былъ мой герой.

Когда предъ фортепьяно, за игрой,
Онъ тосковалъ, хоть нѣсколько манерно,
Я въ Океанѣ съ нимъ качался мѣрно,
И помню, слезы хлынули струей.

Потомъ я страстно полюбилъ Майнъ-Рида,
Но былъ ручной отвергнутъ Вальтеръ-Скоттъ.
Прошли года. Быть-можетъ, только годъ?

Мнѣ грезится Египетъ, Атлантида.
Далекое. И мой Сіамскій котъ
«Плыви въ Сіамъ!» мурлыча мнѣ поетъ.

СИЛА БРЕТАНИ.

Въ таинственной, какъ лунный свѣтъ, Бретани,
Въ узорной и упрямой старинѣ,
Упорствующей въ этомъ скудномъ днѣ,
И только въ давнихъ дняхъ берущей дани

Обычаевъ, уборовъ, и преданій,
Есть до сихъ поръ друиды, въ тишинѣ,
Отъ Солнца отдѣленной, тамъ на днѣ,
Въ Атлантикѣ, въ загадкѣ, въ Океанѣ.

Въ тѣ ночи, какъ колдуетъ здѣсь Луна,
Съ Утеса Чаекъ видно глубь залива.
Въ водѣ — дубравы, храмы, глыбы срыва.

Проходятъ привидѣнья, духи сна.
Вся древность словно въ зеркалѣ видна,
Пока ее не смоетъ мощь прилива.

СИБИРЬ.

Страна, гдѣ мчитъ теченье Енисей,
Гдѣ на горахъ червоннаго Алтая
Бѣлѣютъ орхидеи, расцвѣтая.
И вольный духъ вбираешь грудью всей.

Тамъ есть кабанъ. Медвѣдь. Стада лосей.
За кабаргой струится мускусъ, тая.
И льется къ Солнцу пѣсня молодая.
И есть поля. Чѣмъ хочешь, тѣмъ засѣй.

Тамъ на утесъ, гдѣ чары всѣ не наши,
Не изъ низинъ, взошелъ я, въ міръ такой,
Что не былъ смятъ ничьей еще ногой.

Во влагу, что въ природной древней чашѣ
Мерцала, не смотрѣлъ никто другой.
Я заглянулъ. Тотъ мигъ всѣхъ миговъ краше.

ЛУННАЯ ВОДА.

Взявъ бронзовое зеркало рукою,
И раковину взявъ другой, Фанъ-Чжу,
Онъ ровно въ полночь вышелъ на межу,
И сталъ какъ столбъ дорожный надъ рѣкою.

Змѣился лунный отсвѣтъ по ножу,
На поясѣ. Зеркальностью двойною
Онъ колдовалъ и говорилъ съ Луною.
Шепнулъ: «И до зари такъ продержу».

Но этого не нужно даже было.
Струился влагой лунный поцѣлуй.
Роса по травамъ и цвѣтамъ свѣтила.

Цвѣты дымиться стали какъ кадила.
И вотъ роса зовется Шанъ-Чи-Шуй,
Что значитъ: Колдованье высшихъ струй.

КИТАЙСКОЕ НЕБО.

Земля — въ Водѣ. И восемью столбами
Закрѣплена въ лазури, гдѣ надъ ней
Восходитъ въ Небо девять этажей.
Тамъ Солнце и Луна съ пятью Звѣздами.

Семь сводовъ, гдѣ Свѣтила правятъ нами.
Восьмой же сводъ, зовущійся Ва-Вэй,
Крутящаяся Привязь, силой всей
Связуетъ сводъ девятый какъ цѣпями.

Тамъ Полюсъ Міра. Онъ сіяетъ вкось.
Царица Нюй-Гуа, съ змѣинымъ тѣломъ,
Съ мятежникомъ Гунъ-Гуномъ билась смѣлымъ.

Упавъ, онъ мѣдь столбовъ раздвинулъ врозь.
И изъ камней Царица, пятицвѣтныхъ,
Рядъ сдѣлала заплатъ, въ ночи замѣтныхъ.

ТКАНЬ.

Склонившись, Китаянка молодая
Любовно ткетъ узорчатый коверъ.
На немъ Земли и Неба разговоръ,
Гроза прошла, по высямъ пропадая.

Цвѣтные хлопья тучекъ млѣютъ, тая,
Заря готовитъ пламенный костеръ.
А очеркъ скалъ отчетливъ и остеръ,
Но лучше садъ предъ домикомъ Китая.

Что можетъ быть прекраснѣй, чѣмъ Китай.
Здѣсь живописна даже перебранка,
А греза мига свѣтитъ какъ свѣтлянка.

Сидѣть вѣка и пить душистый чай.
Когда передо мною Китаянка,
Весь міръ вокругъ одинъ цвѣточный рай.

КИТАЙСКАЯ ГРЕЗА.

Вэй-Као полновластная царица.
Ея глаза нѣжнѣй, чѣмъ миндали.
Сравняться въ чарахъ съ дивной не могли
Ни звѣрь, ни рыбка, ни цвѣтокъ, ни птица.

Она спала. Она была дѣвица.
Съ двойной звѣзды, лучившейся вдали,
Два духа легкокрылые сошли.
Душистая звѣздилася ложница.

И съ двухъ сторонъ къ дремавшей подойдя,
Кадильницу пахучую качали.
Цвѣты на грудь легли, ихъ расцвѣчали.

И зачала отъ этого дождя.
И, сына безболѣзненно рождая,
Она и въ немъ была звѣздой Китая.

ЗАНАВѢСЪ.

Китайскій красный занавѣсъ такъ алъ,
Что у меня въ глазахъ какъ бы круженье
Багряныхъ птицъ, и призраковъ служенье
Огнямъ заката на уступахъ скалъ.

Здѣсь Демонъ Крови краски подыскалъ.
Вулканъ свое тотовилъ изверженье,
Не совершилъ, и передалъ внушенье
Тому, кто этотъ замыселъ слагалъ.

Лазурно-изумрудныя деревья.
Густые гроздья голубыхъ цвѣтовъ.
И облачковъ закрѣплены кочевья.

И шесть десятковъ зеркалецъ, для сновъ
Той нѣжной, чья свершилась греза дѣвья,
Кому весь этотъ свадебный покровъ.

СПОРЪ ДУХОВЪ.

Споръ духовъ перешелъ ужь въ перебранку,
А кто хитрѣй, все не былъ споръ рѣшенъ.
Тогда, чтобъ разумъ былъ завороженъ,
Духъ Юга людямъ показалъ Испанку.

Духъ Сѣвера зажегъ мечту-свѣтлянку.
Духъ Запада, замысливъ гордый сонъ,
Спаялъ всѣхъ музыкальныхъ гудовъ звонъ.
Но духъ Востока, дунувъ, создалъ танку.

Пять чувствъ, какъ пятицвѣтную печать,
Сгустивъ и утончивъ необычайно,
Умѣя сердце научить молчать, —

И чуть шептать, чтобъ расцвѣтала тайна,
Велѣлъ Японецъ танкѣ зазвучать, —
Пять малыхъ строкъ поютъ, горя безкрайно.

СТРАНА СОВЕРШЕННАЯ.

Въ Японіи, гдѣ свѣтятъ хризантемы,
Какъ свѣтятъ въ небѣ звѣзды въ часъ ночей,
Въ Ниппонѣ, гдѣ объятья горячѣй,
Но гдѣ уста для поцѣлуя нѣмы, —

Гдѣ всѣ холмы, какъ части теоремы,
Размѣрны, — гдѣ, віясь въ поляхъ, ручей
Есть часть картины, — гдѣ потокъ лучей
Златыми явитъ и стальные шлемы, —

Въ Нихонѣ, въ Корнѣ Свѣта, гдѣ и свѣтъ
Какъ будто не природно безучастенъ,
А съ мыслью вмѣстѣ и сердцамъ подвластенъ, —

Я видѣлъ сонъ, что каждый тамъ поэтъ,
Что мигъ свиданья полнопѣвно страстенъ,
За страстью же — раскаянія нѣтъ.

ЯВАНСКІЙ САДЪ.

О, Бейтензоргъ. Пышнѣйшій въ мірѣ садъ,
Гдѣ сонмами мерцаютъ орхидеи,
Мѣняя до несчетности затѣи,
Размѣры, обликъ, краски, ароматъ, —

Гдѣ Демонъ Ночи, притаившись, радъ
Заслышать, какъ шуршатъ въ ліанахъ змѣи,
И чуютъ задремавшія аллеи
Всѣхъ запаховъ ликующій набатъ.

Я тамъ бродилъ въ ночахъ съ моей желанной,
И ящерица гекко, точно гномъ,
Кричала «Гекко!» гдѣ-то за угломъ.

Вся жизнь земная чудилась мнѣ странной,
Я самъ себѣ казался чьимъ-то сномъ,
Одна любовь являлась необманной.

СВѢТЛЯНКИ.

Въ холодныхъ странахъ свѣтятъ свѣтляки,
Въ тѣ ночи, что назначены свѣтящимъ,
Фонарикомъ зеленымъ и дрожащимъ
Они въ травѣ лелѣютъ огоньки.

Въ ночахъ Яванскихъ рдѣютъ вдоль рѣки
Крылатыя свѣтлянки, и по чащамъ
Скользятъ напѣвомъ, глазу говорящимъ,
Сближаются какъ странные зрачки.

По выдыхамъ земли обильной, мглистымъ,
Гдѣ баобабъ объемъ раскинулъ свой,
Онѣ игрой вздыхаютъ лучевой, —

Оркестромъ переливно-серебристымъ.
И смотрятъ съ неба звѣзды въ этотъ рой,
Что властъ нашелъ быть молча голосистымъ.

ЦВѢТА ДРАГОЦѢННАГО.

Онъ жертву облекалъ, ее сжимая.
У дикаго плѣненнаго козла
Предсмертная въ глазахъ мерцала мгла,
Покорность, тупость, и тоска нѣмая.

Онъ жертву умертвилъ. И, обнимая,
Всю размягчилъ ее. Полусвѣтла,
Слюна изъ пасти алчущей текла.
А міръ кругомъ былъ весь во власти мая.

Насытился. И, сладко утомленъ,
Свой двухсаженный ростъ раскинулъ мглистый.
Мерцаютъ въ кожѣ пятна-аметисты.

Его къ покою клонитъ нѣжный сонъ.
И спалъ. Голубовато-пепелистый,
Яванскій аметистовый питонъ.

БОРО-БУДУРЪ.

Храмъ бѣлыхъ Буддъ. Гигантъ Боро-Будуръ.
Террасы на террасахъ въ слитномъ зданьи.
Расцвѣтность глыбъ могучихъ, въ обаяньи
Окрестныхъ горъ, чей цвѣтъ и сѣръ и буръ.

И мудрый слонъ, и крѣпкорогій туръ,
Здѣсь возникаютъ только въ изваяньи.
Струится духъ здѣсь въ каменномъ преданьи,
И смѣна ликовъ — смыслъ змѣиныхъ шкуръ.

Приди, земной, и погаси пожары,
Въ которыхъ медлятъ нищіе цари.
Найди въ себѣ дневныя двѣ зари.

Царевичъ отказался здѣсь отъ чары
Царить во-внѣ, чтобъ быть царемъ внутри.
Раскрой свой духъ, и бѣлый свѣтъ бери.

ПЛЯСКА КОЛДУНА.

Одинъ, ничьи не ощущая взоры,
Въ ложбинѣ горной, вкругъ огня кружась,
Онъ въ пляскѣ шелъ волшебный Папуасъ,
Изображая танцемъ чьи-то споры.

Онъ велъ съ огнемъ дрожавшимъ разговоры.
Курчавый, темный, съ блескомъ черныхъ глазъ,
Сплеталъ руками длительный разсказъ,
Ловилъ себя, качалъ свои уборы.

Хвостъ райской птицы въ пышности волосъ
Взметался какъ султанъ незримой битвы.
Опять кружась, онъ длилъ свои ловитвы.

Я видѣлъ все, припавши за утесъ.
И колдовскія возмогли молитвы.
Какъ жезлъ любви, огонь до тучъ возросъ.

ОСТРОВНОЕ СОЗВѢЗДІЕ.

Загарно-золотистыя тѣла.
Здѣсь старики, какъ юноши, все юны.
А женщины поютъ какъ гамаюны.
И пляшутъ. Ихъ душа въ глазахъ свѣтла.

Здѣсь наши не звучатъ колокола.
Циклонъ промчится. Прогремятъ буруны.
И снова тишь коралловой лагуны.
Все та же стройность, какъ вѣка была.

Здѣсь радованье медленной планеты.
«Любовь тебѣ!», «Талёфа!», и «Тофа!»,
«Съ тобою миръ!» — обычные привѣты —

Втекаютъ въ жизнь, какъ за строфой строфа.
И въ Вѣчности плыветъ твоя каноа,
Въ созвѣздіи, зовущемся Самоа.

ЗАКАТНАЯ РИЗА.

Я уплывалъ по морю Гаваики,
До южной грани края Маори.
Зажглись, метнувши желтымъ, янтари,
Слились и разлились какъ сердолики.

Огни змѣились ходомъ повилики,
Пылалъ гранатъ вечеровой зари.
Изъ красныхъ тучъ сложились алтари,
Нѣмой огонь гремѣлъ въ багряномъ крикѣ.

Вдругъ занавѣсъ пурпурно-огневой
Порвалъ продольность разожженной ризы.
И глянулъ Мѣсяцъ мертвой головой, —

Испуганный, еще полуживой.
Могучій валъ, въ перекипаньи сизый,
Каноа мчалъ въ пустынѣ міровой.

ДРЕВО ТУЛЕ.

Я былъ въ одной изъ самыхъ крайнихъ Туле.
Она лежитъ среди лѣсистыхъ странъ.
Тамъ самъ собой магей медвяно пьянъ.
Въ глазахъ людей преданья потонули.

Въ отвѣтъ на громъ тамъ изумрудъ въ разгулѣ.
Зеленый попугай среди ліанъ.
Старѣйшій спитъ древесный великанъ.
Гигантскій можжевельникъ въ тихомъ гулѣ.

Стволъ ширится огро́мною дугой.
Чтобы обнять могучее то древо,
Должна возстать толпа рука съ рукой.

Пасхальной ночью слышенъ звукъ напѣва.
Предъ Духомъ Дней проходитъ смуглый рой,
Припоминая давній обликъ свой.

ДОРОГОЙ ДЫМА.

Далекій край, гдѣ древле были шумы
Не нашихъ битвъ, нарядъ не нашихъ странъ,
Гдѣ сердце вырубалъ обсидіанъ,
Лазутчикъ былъ въ лѣсу хитрѣе пумы —

Къ твоимъ горамъ мои уходятъ думы,
Тамъ храмомъ не одинъ горѣлъ вулканъ,
И пѣнный дымъ качалъ тамъ Океанъ,
И дымъ иной былъ въ грезѣ Монтезумы.

Звенѣньемъ золотыхъ колокольцовъ
Своихъ сандалій — вброшенъ въ ритмъ дремотный,
Вотъ куритъ онъ. За кругомъ кругъ несчетный.

И новый міръ встаетъ изъ дымныхъ сновъ.
Его табакъ пришелъ туда впервые.
И мы — его, чрезъ волны голубыя.

СИНІЙ ЖГУТЪ.

Для мудраго не можетъ быть вопроса,
Что между самыхъ ласковыхъ минутъ,
Которыя дано намъ вѣдать тутъ,
Одна изъ самыхъ нѣжныхъ — папироса.

Въ ней жертва есть. Отъ горнаго откоса
Восходитъ синій дымъ, свиваясь въ жгутъ.
Ручьи воспоминанія текутъ.
Бѣлѣетъ дымка. Слышенъ всплескъ у плеса.

Въ ней вольный, хоть любовный, поцѣлуй.
Дыханье — черезъ близь прикосновенья.
Душистое зажженное мгновенье.

Спирали, уводящихъ грезу, струй.
Двойная жизнь души и арабесокъ,
Съ качаньемъ въ Вѣчность — легкихъ занавѣсокъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Голубоватое кольцо, всѣ кольца дыма,
Моихъ Египетскихъ душистыхъ папиросъ,
Какъ очертанья сна, какъ таяніе грезъ,
Создавши легкое, уйдутъ неизслѣдимо.

Я мыслью далеко. Я въ самомъ сердцѣ Рима.
Тамъ объ Антоніи поставленъ вновь вопросъ.
И разрѣшенъ сполна. Какъ остріями косъ,
Обрѣзанъ стебель травъ, и жизнь невозвратима.

Я знаю, Римлянинъ не долженъ былъ любить,
Такъ пламенно любить, какъ любятъ только птицы
Очарованія Египетской царицы.

Но Парки намъ плетутъ, и намъ обрѣжутъ, нить.
Я вѣдалъ въ жизни все. Вся жизнь лишь блескъ зарницы.
Я счастливъ въ гибели. Я могъ, любя, любить.

ШАМАНЪ.

Шаманъ, глушащій сразу въ сердцѣ боль,
Волшебникъ грезъ и пиршествъ веселящихъ,
А также ссоръ и словъ какъ ножъ разящихъ,
Ты, самокоронованный король, —

Ты, царь царей, ласкающій, доколь
Не бросишь въ грязь, какъ лѣшій въ темныхъ чащахъ,
Сразитель вѣрныхъ, сномъ смертельнымъ спящихъ,
Я зналъ твой быстрый пламень, Алкоголь.

Алхимикъ, то съ глазами василиска,
Преобразитель геніевъ въ калѣкъ,
То радостный, какъ звукъ разливныхъ рѣкъ, —

То влюбчивый, какъ ночью одалиска,
Я радъ, что знаемъ мы другъ друга близко,
Я счастливъ, что прогналъ тебя навѣкъ.

ЯДЪ.

Мнѣ чужды Сатанинскія забавы.
Сновидецъ — Опій. Власть даетъ Гашишъ
Глубь мѣрить глубже, тише чуять тишь.
И Морфій видитъ стѣны въ блескахъ славы.

Но я мои сонеты и октавы
Имъ не отдамъ. Мнѣ дорогъ Ядъ, но лишь
Такой, въ которомъ творчески горишь,
И какъ вулканъ, стремишь потоки лавы.

Мой ядъ — Любовь. Любить. Любовь къ любви.
Любовь къ мірамъ. Любовь къ малѣйшей мошкѣ.
Ведутъ мои садовыя дорожки

Къ безмѣрнымъ тайнамъ, дремлющимъ въ крови.
Есть сонъ: — Былъ медъ. Но не хватало ложки.
Есть сонъ: — Здѣсь медъ. Всегда. Лишь позови.

РОЖДЕНІЕ МУЗЫКИ.

Звучало Море въ грани береговъ.
Когда всѣ вещи Міра были юны,
Слагались многопѣвные буруны,
Въ нихъ былъ и гудъ струны и ревъ роговъ.

Былъ музыкою лѣсъ и каждый ровъ.
Цвѣли цвѣты, огромные какъ луны,
Когда въ сознаньи прозвучали струны.
Но звонъ иной былъ первымъ въ ладѣ сновъ.

Повѣялъ вѣтеръ въ тростники напѣвно,
Чрезъ ихъ отверстья ожили луга.
Такъ первая свирѣль была царевна

Вѣтровъ и воли, смывшей берега.
Еще, чтобъ месть и мечъ запѣли гнѣвно,
Я сдѣлалъ флейты изъ костей врага.

СВИРѢЛЬ.

Журчаніе пастушеской свирѣли,
Ростущее съ разсвѣтнымъ свѣтомъ въ ладъ.
Движенье удаляющихся стадъ.
Дремлю. Такъ хорошо побыть въ постели.

На вѣнчикахъ цвѣтовъ, какъ въ колыбели,
Оставилъ росы огненный закатъ.
Ихъ самоцвѣтамъ глазъ вчера былъ радъ,
Сейчасъ онѣ вторично заблестѣли.

Тамъ холодно. А здѣсь мнѣ такъ тепло.
Смыкаются усталыя рѣсницы.
Мнѣ все равно, что будетъ, что прошло.

Умъ потонулъ. Деревьевъ вереницы.
Лѣсъ. Наводненье. Искрится весло.
Поютъ въ вѣтвяхъ лазоревыя птицы.

ВОЛЕЮ РУКЪ.

Настраиванье скрипокъ. Токъ ручьевъ,
Себя еще пытующихъ, неровныхъ,
Но тронувшихъ края надеждъ верховныхъ,
И сразу доходящихъ до основъ.

Духъ пробужденъ. Въ немъ свѣтъ, который новъ.
Пробѣгъ огней, утонченно-духовныхъ.
Міръ возниканья сновъ безпрекословныхъ,
По волѣ прикасанія смычковъ.

Мигъ тишины. Въ огняхъ застыла зала.
Не дрогнетъ жезлъ въ приподнятой рукѣ.
Еще сейчасъ душа была въ тоскѣ.

Вотъ, въ ней мгновенно притупилось жало.
И съ пальцевъ рукъ теченье побѣжало.
И духъ плыветъ въ ликующей рѣкѣ.

МУЗЫКА.

Кто шепчетъ черезъ музыку съ сердцами,
Что говоритъ въ ней волею съ душой?
Мы грезой зачарованы чужой,
И тотъ чужой — родной, онъ плачетъ съ нами.

Проходятъ тѣни прошлаго струнами.
Душа заворожилась глубиной.
Ты тайный — за прозрачною стѣной,
Недосяжимо-близко, и съ крылами.

Что въ музыкѣ? Восторгъ, нежданность, боль.
Звукъ съ звукомъ — обручившіяся струи.
Сліянье въ Волю сонма разныхъ воль.

О, всѣ живые были въ поцѣлуѣ.
Съ очей слѣпыхъ вдругъ отошли чешуи.
Еще побыть въ прозрѣніи дозволь.

ПРЕДОЩУЩЕНІЕ.

На уводящихъ проволокахъ иней,
Сгущенный, весь изваянный Луной.
Чрезъ окна говорятъ они со мной,
Тѣ дружные ряды продольныхъ линій.

Я далеко. Надъ Капри воздухъ синій.
Волна, играя, говоритъ съ волной.
Горитъ Везувій. Лава пеленой.
Вѣтвится дымъ разливомъ черныхъ пиній.

Я съ вами, пламя, золото, и сталь.
Я тамъ, гдѣ жерла, срывы горъ, изломы.
Во мнѣ всегда поетъ и кличетъ даль.

Въ душѣ хотятъ прорваться водоемы.
Бьетъ полночь. Блѣдный, сѣлъ я за рояль.
И въ тишинѣ смотрящей были громы.

ДВА ГОЛОСА.

Она мнѣ говоритъ: «Я ласкою объемлю».
И онъ мнѣ говоритъ: «Я горячѣй горю».
Я слушаю его. И ей любовно внемлю.
Обоимъ имъ въ душѣ воздвигъ по алтарю.

Я въ колебаніи качаюсь и творю.
Душой звенящею я музыку пріемлю.
И звонъ малиновый поетъ мою зарю.
И океанами разсвѣтъ объемлетъ землю.

Она мнѣ говоритъ. И женскому я радъ.
Но онъ мнѣ говоритъ. Я съ нимъ въ иномъ законѣ.
По влагѣ пламенной плыву въ огнистомъ стонѣ.

И вотъ ужь лунный ходъ размѣренныхъ сонатъ,
Какъ вѣтръ отяжелѣвъ набатомъ благовоній,
Вступаетъ въ солнечность ликующихъ симфоній.

ЗОВЫ ЗВУКОВЪ.

Звукъ арфы — серебристо-голубой.
Всхликъ скрипки — блескъ алмаза хрусталистый.
Віолончели — медъ густой и мглистый.
Рой красныхъ струй, исторгнутый трубой.

Свирѣль — лазурь, разъятая борьбой,
Кристаллъ разбитый, утра ходъ росистый.
Колоколецъ ужалы — сонъ сквозистый.
Рояль — волна съ волною въ перебой.

Но какъ среди плодовъ душисто манго,
Струя истомно-пряный ароматъ,
Мнѣ хочется всегда уйти назадъ, —

Туда, гдѣ былъ, — гдѣ сини воды Ганга, —
И дальше, до ліанъ, въ Яванскій садъ,
Къ тоскѣ ручьистой звуковъ гамеланга.

МЕРТВЫЯ ЗВѢЗДЫ.

Сердца къ сердцамъ, и къ безднамъ кличутъ бездны
Въ ночи безъ словъ къ звѣздѣ поетъ звѣзда.
И зовъ дойдетъ, но, можетъ быть, тогда,
Когда звѣзда лишь гробъ себя желѣзный.

Прекрасенъ пологъ Ночи многозвѣздный,
Но жизнь творитъ лишь тамъ, гдѣ есть вода.
Когда-жь она изсохла навсегда,
Звѣзда лишь знакъ изящно-безполезный.

Тамъ русла рѣкъ, гдѣ влага не течетъ.
Тамъ бродятъ лишь безплотнѣйшія тѣни,
Безъ жажды, безъ любви, безъ вожделѣній.

И нѣтъ цвѣтовъ тамъ, чтобъ собрать съ нихъ медъ.
Нѣтъ больше тайнъ. И чарой пѣснопѣній
Душа тамъ въ плѣнъ другую не возьметъ.

ЛЮБИ.

«Люби!» поютъ шуршащія березы,
Когда на нихъ сережки расцвѣли.
«Люби!» поетъ сирень въ цвѣтной пыли.
«Люби! Люби!» поютъ, пылая, розы.

Страшись безлюбья. И бѣги угрозы
Безстрастія. Твой полдень вмигъ — вдали.
Твою зарю теченья зорь сожгли.
Люби любовь. Люби огонь и грезы.

Кто не любилъ, не выполнилъ законъ,
Которымъ въ мірѣ движутся созвѣздья,
Которымъ такъ прекрасенъ небосклонъ.

Онъ въ каждомъ часѣ слышитъ мертвый звонъ.
Ему никакъ не избѣжать возмездья.
Кто любитъ, счастливъ. Пусть хоть распятъ онъ.

ОНЪ.

Онъ проточилъ и пробуравилъ горы.
Разрѣзалъ исполинскій материкъ,
И корабельный караванъ возникъ
Тамъ, гдѣ лѣсные ширились просторы.

Онъ звѣзды размѣстилъ въ ряды и хоры.
Онъ мысль свою, какъ мчащійся двойникъ,
Пошлетъ въ пространство искрой, искра — крикъ,
Чрезъ Океанъ ведетъ переговоры.

Задачи нѣтъ, которую бы онъ
Не разрѣшилъ повторностью усилья.
Онъ захотѣлъ — и онъ имѣетъ крылья.

До Марса досягнуть — надменный сонъ.
И сбудется. Но въ безднахъ изобилья
Онъ долженъ гнаться до конца временъ.

ОНА ПОКОИТСЯ.

Она покоится. Двѣ бѣлыхъ чаши — груди.
Два неба голубыхъ — закрытые глаза.
Ея-ли въ томъ вина, что въ высяхъ бирюза
То дремлетъ въ тишинѣ, то въ грозномъ рдѣетъ гудѣ.

Черезъ нее, въ борьбѣ, съ богами равны люди.
И станетъ сказкою, свой мигъ проживъ, гроза,
Безсмертнымъ жемчугомъ — минутная слеза.
И дикая рѣзня — въ напѣвномъ будетъ чудѣ.

Она покоится. До нѣжнаго бедра
Точеная рука чуть льнетъ въ изгибѣ стройномъ.
Ей суждено пребыть видѣніемъ спокойнымъ, —

Въ вѣкахъ оправданной, внѣ зла и внѣ добра.
Она покоится, межъ звѣздъ, гдѣ дышетъ мѣра,
И въ несмолкающихъ гекзаметрахъ Гомера.

ОНА.

Когда предъ нею старцы, стражи лона,
Склонились, другъ до друга говоря: —
«Смотрите, розоперстая заря!» ,
Она возникла въ мірѣ внѣ закона.

Какъ сладкій звукъ, превыше вихрей стона,
Какъ царская добыча для царя,
Какъ пѣснь весны, какъ пламя алтаря,
Какъ лунный серпъ въ опалѣ небосклона.

Какъ мигъ любви, что самъ себѣ законъ,
Какъ звонъ оковъ законченнаго плѣна,
Какъ въ ливнѣ быстрыхъ радугъ перемѣна.

Какъ въ снѣ вѣковъ единый вѣрный сонъ,
Дочь лебедя, волны вскипѣвшей пѣна,
Грань торжества, звѣзда средь женъ, Елена.

ПУТЬ КЪ КОВЧЕГУ.

Ты мнѣ сказала: «Видишь дождь бѣгущій?
Но надъ дождемъ семирасцвѣтный мостъ.
Тамъ рѣки красокъ. Духи тамъ и кущи.
Кователи рубиновъ, сновъ, и звѣздъ.

«Бѣги. Нашъ путь къ ковчегу прямъ и простъ.
Хоть прикоснись. Я встрѣчу лаской ждущей».
Ахъ, птицы райской такъ уклончивъ хвостъ,
А крылья райской — взглядъ любви берущей.

Я побѣжалъ. Спѣшилъ. Усталъ. Продрогъ.
Но былъ мгновенье въ семицвѣтномъ храмѣ,
На пресѣченьи десяти дорогъ.

Домой пришелъ лишь съ мокрыми руками.
Но ты сказала: «Сдѣлалъ все, что могъ».
И цѣловала алыми губами.

БОГЪ ПРИКЛЮЧЕНЬЯ.

Богъ Приключенья, межь боговъ богатый,
Повелъ меня въ безвѣстную страну.
Тамъ лѣто за собой ведетъ весну,
И снова лѣто, зной, и ароматы.

Какъ ожерелье горные тамъ скаты.
Струитъ рубинъ живую пелену,
И сердоликъ, мягча, зоветъ ко сну,
А пробуждаютъ яркіе гранаты.

Когда въ опалъ ударишь бирюзой,
Играетъ конь грозы, звенитъ уздечка,
И серебромъ течетъ изъ тучекъ рѣчка.

Блистаетъ въ чашѣ розы, за грозой,
Алмазъ. Зовется ангельской слезой.
Ее тебѣ принесъ я для колечка.

ПОЯСОКЪ.

Чтобы всегда мечтѣ она свѣтила,
Соткалъ я ткань ей изъ лучей Луны,
Сорвалъ цвѣтокъ съ опасной крутизны,
И онъ, курясь, служилъ ей какъ кадило.

Когда въ Лунѣ еще взростала сила,
И съ ней взросталъ разбѣгъ морской волны,
Изъ пѣны сплелъ я нѣжность пелены,
Она ее какъ перевязь носила.

Когда-жь растаялъ этотъ поясокъ,
Вольнѣе стали падать складки платья,
Столь сдѣлалось естественнымъ объятье, —

Какъ до цвѣтка прильнувшій мотылекъ.
Что дальше, вамъ хотѣлъ бы разсказать я,
Но не велитъ она сгущать намекъ.

ЗАРЕВАЯ.

Предъ тѣмъ какъ здѣсь твое возникло тѣло,
Въ утробѣ, гдѣ зиждительная мгла,
Та женщина, что мать тебѣ была,
Лишь яблоки пурпуровыя ѣла.

И ты глядишь всегда свѣтло и смѣло,
Не зная чары ни добра, ни зла,
Высокая, румяна и бѣла,
Съ какого-то иного ты предѣла.

Ты — яблоня, въ которой по листамъ
Еще не пробѣжало Слово Гнѣва.
Къ тебѣ еще не приближалась Ева.

И вѣтки не сломалъ твоей Адамъ.
Ты вся еще съ цвѣтами въ разговорѣ,
И пьетъ твой ротъ пурпуровыя зори.

ЦВѢТОКЪ ЛЮБВИ.

Непостижимое владѣетъ мглой ночной.
Я слышу, какъ сейчасъ на голубой планетѣ,
Гдѣ были мы съ тобой какъ маленькіе дѣти,
Расцвѣлъ цвѣтокъ любви, взрощенный тишиной.

Ты наклоняешься воздушно надо мной,
Твои глаза горятъ въ благословенномъ свѣтѣ,
Запутались вдвоемъ мы въ ласковыя сѣти,
Сорвавшійся ручей о камень бьетъ волной.

Мы свидѣлись съ тобой какъ будто бы впервые.
Но гдѣ-то раньше я съ тобою былъ вдвоемъ,
Надъ своевольнымъ тѣмъ играющимъ ручьемъ, —

Который оросилъ расцвѣты голубые.
И будешь ты горѣть въ сознаніи моемъ.
И буду я тебѣ шептать слова живыя.

КАМЕЯ.

Она изъ тѣхъ, къ кому идутъ камеи,
Медлительность, старинная эмаль,
Окошко въ садъ, жасминъ, Луна, печаль,
Нить жемчуговъ вкругъ лебединой шеи.

Ей даровали царство чародѣи,
Въ немъ близь всегда причудлива какъ даль.
И времени разрушить сказку жаль,
Тотъ садъ минуютъ снѣжныя завѣи.

Я подошелъ къ полночному окну.
Она сидѣла молча у постели.
Газелій взоръ любилъ свою весну.

И липы ворожили старину.
Роняли пологъ бархатныя ели.
Ей было жаль идти одной ко сну.

СТОЛЕПЕСТКОВАЯ.

Безукоризненый въ изяществѣ нарядъ.
Все одноцвѣтное, въ разсвѣтно-сѣромъ, платье.
Зеленоватость въ немъ всесвѣтна безъ изъятья.
У пояса костеръ приковываетъ взглядъ.

Столепестковая таитъ душистый ядъ.
Мѣняетъ ясность чувствъ. Внушаетъ мысль объятья.
О, если бъ могъ тебя всю, всю въ себя вобрать я.
Но губы алыя безгласно не велятъ.

И пепельныхъ волосъ волна, упавъ на плечи,
Змѣино поднялась къ тяжелой головѣ.
Уму не вѣрится, что косъ здѣсь только двѣ.

Свѣтясь, вокругъ нея поютъ нѣмыя рѣчи.
Вся говоритъ она. И вотъ не говоритъ.
Лишь въ перстнѣ явственно играетъ хризолитъ.

СТРОЙНАЯ.

Высокая и стройная, съ глазами
Раскольницы, что выросла въ лѣсахъ,
Въ зрачкахъ отображенъ не Божій страхъ,
А истовость, что подобаетъ въ храмѣ.

Ты хочешь окружить ее словами?
Плѣняй. Но только, если нѣтъ въ словахъ
Велѣній сердца, въ нихъ увидитъ прахъ.
Цвѣтокъ же вмигъ замѣтитъ межъ листками.

И подойдетъ. Неспѣшною рукой
Сорветъ его, и любоваться станетъ.
Быть можетъ, тотъ цвѣтокъ тебѣ протянетъ.

Несмущена колдующей тоской,
Свѣтъ приметъ, и улыбкой не обманетъ.
Но въ этомъ сердцѣ свѣтитъ свѣтъ — другой.

ВОЛШЕБСТВО.

Изъ раковинъ я вынулъ сто жемчужинъ,
Тринадцать выбралъ лучшихъ жемчуговъ.
Отъ дальнихъ, самыхъ южныхъ, береговъ
Былъ всплескъ волны мнѣ въ Новолунье нуженъ.

Мигъ надлежащій мной былъ удосуженъ,
Когда Луна межь двухъ своихъ роговъ
Скрѣпила хлопья бѣлыхъ облаковъ.
Весь міръ волшебствъ тогда со мной былъ друженъ.

На пресѣченьи девяти дорогъ,
Въ изломѣ ночи, цвѣтъ сорвалъ я малый,
Лилейный ликъ, внутри съ звѣздою алой.

Сонъ дѣвушки невинной подстерегъ,
Вплелъ въ ожерелье, къ жемчугамъ сгибая.
Полюбятъ всѣ. Приди ко мнѣ любая.

КОБРА.

Я опьяню тебя моею красотою
Завладѣвающей — изысканнымъ стихомъ,
Въ которомъ ядъ, и кровь, и страсть, и ночь, и громъ,
И, взоръ твой подсмотрѣвъ, внимательность удвою.

Недостижимое возьму какъ бы игрою,
Захватъ мой — взглядъ души, ея огней изломъ,
И не замѣтишь ты, какъ всю тебя узломъ
Воздушно-ласковымъ, но держащимъ, покрою.

Ты будешь съ близкими, но будетъ духъ вдали.
Ты будешь мной полна, и скрытно, и пѣвуче,
Какъ полонъ пламенемъ туманъ, скользя по кручѣ.

Вотъ малая ладья сильнѣй, чѣмъ корабли.
Сосредоточенность расцвѣсть готова въ тучѣ.
Гори. Мы два огня. Тебя, меня — зажгли.

КОЛДУНЪ.

Онъ началъ колдоватъ синезеленымъ,
Онъ изумрудъ овѣялъ бирюзой.
Огонь завилъ онъ красною лозой,
И пламени запѣли тихимъ звономъ.

Собравъ купавы по лѣснымъ затонамъ,
Заставилъ чаши ихъ ронять бензой.
И ладанъ задымилъ, какъ предъ грозой
Восходитъ мгла змѣей по горнымъ склонамъ.

Сталъ душно-прянымъ сказочный чертогъ.
Въ углахъ стояли идолы нѣмые,
Во внутрь, къ нему, протягивая выи.

И цвѣтъ, что на скрещеньи всѣхъ дорогъ
Расцвѣта ждетъ, предъ нимъ расцвѣлъ впервые,
И, дѣвой ставъ, у пламени возлегъ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ.

Тринадцать выгибовъ дубоваго листка,
Двѣнадцать смѣнныхъ солнцъ въ кругу мѣсяцеслова,
Одинъ и два и три, всѣхъ числъ первооснова,
Ликующее семь, что смотритъ свысока, —

Четырекрылая, летящая съ цвѣтка,
Чтобы, душистый медъ отъ сплава воскового
Подробно отдѣливъ, соединить ихъ снова,
Тамъ, въ шестикратности нѣмого уголка, —

Десятигранная на вѣтрѣ кристалинка, —
Столепестковая, пьянящая людей, —
Куда мой стихъ, тебя ведетъ моя тропинка?

Въ четырнадцать, гдѣ ты, сверкнувъ, уснешь какъ змѣй,
Межь тѣмъ какъ, вознеся всѣ красочныя числа,
Летить, дробясь, огонь, и радуга повисла.

ПЕРЕВЯЗЬ.

Гимнически законченный сонетъ,
Заслуга это или преступленье?
Въ церковное торжественное пѣнье
Не вводимъ мы дразненье кастаньстъ.

Лишь избранный искусникъ дастъ отвѣтъ.
Но выскажу еще недоумѣнье.
На рыцарѣ пристойно-ль украшенье,
И не собой-ли каждый святъ предметъ?

Однако. Въ строй Пасхальныхъ ликованій
И пляшущіе вводимъ мы тона.
И развѣ измѣняется весна, —

Когда проснется майскій день въ туманѣ?
И рыцарь, мысля лишь объ остріѣ,
Не мчитъ-ли ленту милой на копьѣ?

ЗАКОНЪ СОНЕТА.

Четыре и четыре, три и три.
Законъ. Вѣрнѣе, признаки закона.
Взнесенье, волей, огненнаго трона,
Начало и конецъ дневной зари.

Съ рожденьемъ Солнца рдѣютъ алтари.
Вдали, вблизи, прорывъ и гулы звона.
Весь міръ Земли пріемлющее лоно.
Четыре вѣтра кличутъ: «Жги! Бери!»

Но быстро таетъ эта ширь свершенья.
Блѣднѣетъ по бокамъ сплошной рубинъ.
Огонь зари являетъ ликъ съуженья.

И вторитъ Осень пламенемъ вершинъ,
Что три пожара завершаютъ рдѣнье.
И въ небѣ кличетъ журавлиный клинъ.

СОНЕТЪ СОНЕТУ.

Мои стихи какъ полновѣсный гроздъ.
Не тщетно, въ сладкомъ рабствѣ у сонета,
Двѣ долгія зимы, два жаркихъ лѣта,
Въ размѣрный токъ включалъ я розсыпь звѣздъ.

Изысканный нарядъ обманно-простъ.
Въ гаданьи чувства малая примѣта
Есть жгучій знакъ, что часъ пришелъ расцвѣта
Люблю къ люблю, къ землѣ отъ неба мостъ.

Четырнадцать есть лунное свѣченье,
Четыре, это вѣтры всѣхъ міровъ,
И троичность звено рожденья сновъ.

И все — единство, полное значенья,
Какъ Солнце въ свитѣ огненныхъ шаровъ,
Размѣченныхъ закономъ привлеченья.

ТУДА.

Когда атлеты, въ жаркій мигъ борьбы,
Сомкнутъ объятья, съ хитростью касанья,
Чей ликъ — любовь, что, ощупью, лобзанья
Упорно ищетъ въ жуткомъ снѣ алчбы, —

Когда внезапно встанетъ на дыбы
Горячій конь, — когда огней вонзанье
Проходитъ въ тучѣ въ мигѣ разверзанья,
И видимъ вспѣвъ и письмена Судьбы, —

Когда могучій левъ предъ ликомъ львицы
Скакнетъ лишь разъ, и вотъ лежитъ верблюдъ, —
Когда сразимъ мы сонмы вражьихъ грудъ, —

Все это не одинъ-ли взрывъ зарницы?
Нашъ духъ крылатъ. Но лучшій мигъ для птицы
Летѣть — туда, ото всего, что — тутъ.

БОЙ.

Вся сильная и нѣжная Севилья
Собралась въ кругъ, въ рядахъ, какъ на соборъ.
Лучей и лицъ и лентъ цвѣтистый хоръ.
И голубей надъ циркомъ снѣжны крылья.

Тяжелой двери сдвигъ. Швырокъ усилья.
Засовъ отдвинутъ. Дикъ ослѣпшій взоръ.
Тяжелый быкъ скакнулъ во весь опоръ,
И замеръ. Мощный образъ изобилья.

Въ лоспеньи крутоемные бока.
Втянули ноздри воздухъ. Изумленье
Сковало силу въ самый мигъ движенья.

Глаза — шары, гдѣ въ черномъ нѣтъ зрачка.
Тогда, чтобъ рушить тяжкаго въ боренье,
Я поднялъ алый пламень лоскутка.

ЕЩЕ.

Привязанный къ стволу нѣмого древа,
Что говорить умѣетъ лишь листвой, —
Предсмертнымъ напряженіемъ живой,
Весь вытянутъ, какъ птица въ мигъ напѣва, —

Святая жертва слѣпоты и гнѣва,
Съ глазами залазуренными мглой, —
Еще стрѣлу пріявши за стрѣлой,
Колчаннаго еще хотѣлъ онъ сѣва.

И между тѣмъ какъ красный вечеръ гасъ,
Стеля вдали для ночи звѣздный пологъ,
Онъ ощущалъ лишь холодокъ иголокъ.

И торопилъ возжажданный имъ часъ.
Еще! Еще! Лишь прямо въ сердце рана
Откроетъ Рай очамъ Себастіана!

НИТИ ДНЕЙ.

Всѣ нити дней воздушно паутинны,
Хотя бы гибель царствъ была сейчасъ.
Всѣ сгустки красокъ — для духовныхъ глазъ.
Душѣ — напѣвы сердца, что рубинны.

У альбатроса крылья мощно длинны.
Но онъ къ гнѣзду вернется каждый разъ,
Какъ ночь придетъ. И держатъ гнѣзда насъ
Внѣ тѣхъ путей, которыя лавинны.

Намъ трудно даже другу разсказать,
Какъ любимъ мы дѣтей, рожденныхъ нами,
Какъ обожаемъ мы отца и мать.

И благо. Стыдъ тотъ Божья благодать.
Но намъ не трудно яркими чертами
Вѣкамъ въ легендѣ сердце передать.

НА ОТМЕЛИ ВРЕМЕНЪ.

Заклятый духъ на отмели временъ,
Средь маленькихъ, среди непрозорливыхъ,
На уводящихъ задержался срывахъ,
Отъ страшныхъ вѣдьмъ пріявши гордый сонъ.

Гламисскій танъ, могучій вождь племенъ,
Кавдорскій танъ, въ змѣиныхъ переливахъ
Своей мечты, лишился сновъ счастливыхъ,
И дьявольскимъ былъ сглазомъ ослѣпленъ.

Но потому, что міръ тебѣ былъ тѣсенъ,
Ты сгромоздилъ такую груду тѣлъ,
Что о тебѣ Эвонскій лебедь спѣлъ —

Звучнѣйшую изъ лебединыхъ пѣсенъ.
Онъ, кто сердецъ извѣдалъ глубь и цвѣтъ,
Тебя въ вѣкахъ намъ передалъ, Макбетъ.

СРЕДИ ЗЕРКАЛЪ.

Бродя среди безчисленныхъ зеркалъ,
Я четко вижу каждое явленье
Дробленіемъ въ провалахъ углубленья,
Разгадки чьей никто не отыскалъ.

Коль Тотъ, чье имя — Тайна, хочетъ скалъ,
Морей, лѣсовъ, животныхъ, и боренья,
Зачѣмъ въ несовершенномъ повторенья,
А не одинъ торжественный бокалъ?

Все правое въ глубинахъ станетъ лѣвымъ,
А лѣвое какъ правое встаетъ.
Здѣсь мой — съ самимъ же мною — спутанъ счетъ.

Вступилъ въ пещеру съ звучнымъ я напѣвомъ,
Но эхо звукъ дробитъ и бьетъ о сводъ.
И я молчу — съ недоумѣннымъ гнѣвомъ.

НЕ ПОТОМУ ЛИ?

Одинъ вопросъ, томительный, всегдашній,
Отъ стершихся въ невозвратимомъ дней,
Отъ взятыхъ въ основаніе камней
До завершенья Вавилонской башни.

Зачѣмъ согбенный богъ надъ сѣрой пашней?
Зачѣмъ въ кристаллѣ сновъ игра тѣней?
Зачѣмъ, слабѣе я или сильнѣй,
Всегда въ сегодня гнетъ влачу вчерашній?

Какъ ни кружись, клинокъ и прямъ и простъ: —
Уродство не вмѣстится въ совершенство,
Гдѣ атомъ — боль, тамъ цѣльность — не блаженство.

Не потому ль водовороты звѣздъ?
Не потому ли всѣ ряды созданій,
Чтобъ ужасъ скрыть — безчисленностью тканей?

ВЪ ТЕАТРѢ.

Въ театрѣ, гдѣ мы всѣ — актеры мига,
И гдѣ любовь румянѣе румянъ,
И каждый, страсть играя, сердцемъ пьянъ,
У каждаго есть тайная верига.

Чтобъ волю ощутить, мы носимъ иго.
Безчисленный проходитъ караванъ,
Туда, туда, гдѣ духъ расцвѣтовъ прянъ,
Гдѣ скрыта Золотая Счастья Книга.

Рубиново-алмазный переплетъ,
Жемчужно-изумрудныя застежки.
Извилистыя къ ней ведутъ дорожки.

По очереди каждый къ ней идетъ.
Чуть подойдетъ, какъ замыселъ оконченъ.
И слышенъ плачъ. Такъ строенъ. Такъ утонченъ.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА.

Изображенье мертвой головы
На бабочкѣ ночной, что возлюбила
Мѣста, гдѣ запустѣнье и могила,
Такъ просто растолкуете ли вы?

Вотъ изъясненье. Здѣсь гипнозъ травы,
Которую плоть мертваго взростила,
И черепъ съ мыслью, какъ намекъ-кадило,
Дала крылатой. Жить хоть такъ. Увы.

Живетъ кадило это тѣневое.
И мечется межь Небомъ и Землей.
Скользитъ, ночной лелѣемое мглой.

Вампирная въ немъ сила, тлѣнье злое.
И бабочки пугаются ночной.
Тотъ здѣсь колдунъ, кто жить возжаждалъ вдвое.

ПОСЛѢДНЯЯ.

Такъ видѣлъ я послѣднюю, ее.
Предѣльный кругъ. Подножье сѣрыхъ склоновъ.
Обрывки свитковъ. Рухлядь. Щепки троновъ.
Календари. Румяна. И тряпье.

И сердце освинцовилось мое.
Я — нищій. Ибо — много милліоновъ
Змѣиныхъ кожъ, и шкуръ хамелеоновъ.
Тутъ не приманишь даже воронье.

Такъ вотъ оно, исконное мечтанье,
Сводящее весь разнобѣгъ дорогъ.
Сѣдой разливъ додневнаго рыданья.

Глухой, какъ бы лавинный, топотъ ногъ.
И два лишь слова въ звуковомъ разгулѣ.
Стонъ — Ultima, и голосъ трубный — Thule.

ULTIMA THULE.

Эбеновое дерево и злато,
Густой, изъ разныхъ смѣсей, ѳиміамъ.
Свѣтильники, подобные звѣздамъ,
Въ ночи упавшимъ съ неба безъ возврата.

Огромные цвѣты безъ аромата,
Но съ чарой красокъ рдѣющіе тамъ, —
Въ ихъ чаши ветхій такъ глядѣлъ Адамъ,
Что свѣтитъ въ нихъ — не мигъ, а лишь — когда-то.

Обивка стѣнъ — минувшіе пиры,
Весь пурпуръ догорѣвшаго пожара.
Завѣсъ тяжелыхъ бархатная чара.

И мертвыхъ лунъ мѣдяные шары,
Да черный воронъ съ тучевого яра, —
Вотъ царскій міръ безумнаго Эдгара.

НА ПРЕДѢЛѢ.

Бестрастная, своимъ довольна кругомъ,
Въ безбрежности, гдѣ нѣтъ ни въ чемъ огня,
Безкровная, и сердце леденя,
Въ лазурности идя какъ вышнимъ лугомъ, —

Бездумная, внимая вѣчнымъ вьюгамъ,
Въ бездонности, гдѣ цѣлый годъ нѣтъ дня,
Бездушная, ты мучаешь меня,
Луна небесъ надъ самымъ дальнимъ Югомъ.

Онъ сѣвернѣй всѣхъ сѣверовъ, тотъ Югъ.
Здѣсь царство льдинъ возвышенно-кошмарныхъ,
Съ вѣщаньями разрывовъ ихъ ударныхъ.

Медвѣдь полярный былъ бы мнѣ здѣсь другъ.
Но жизни нѣтъ. Ни заклинанiй чарныхъ.
Безрадостный, я втянутъ въ мертвый кругъ.

НА ЮЖНОМЪ ПОЛЮСѢ.

На Южномъ полюсѣ, гдѣ льется свѣтъ по льдинѣ,
Какого никогда здѣсь не увидѣть намъ,
И льдяная гора рѣзной узорный храмъ,
Что вѣдомъ Нилу былъ, и неизвѣстенъ нынѣ, —

Восходитъ красный Шаръ въ безжизненной
пустынѣ,
И льдяная стѣна, какъ вызовъ небесамъ,
Овита вихрями, ихъ внемлетъ голосамъ,
А кровь небесная струится по твердынѣ.

Но были нѣкогда тамъ пышные сады.
Давно окончилось ихъ жаркое цвѣтенье,
Лишь въ краскахъ, чудится, скользятъ ихъ
привидѣнья.

И въ часъ, когда звѣзда уходитъ до звѣзды,
Еще цвѣтутъ цвѣты средь всплесковъ и боренья,
Не забывающей минувшее, воды.

БѢЛЫЙ БОГЪ.

Онъ мнѣ открылся въ Сѣверномъ сіяньи.
На полюсѣ. Среди безгласныхъ льдинъ.
Въ снѣгахъ, гдѣ властенъ бѣлый цвѣтъ одинъ.
Въ потокѣ звѣздъ. Въ бездонномъ ихъ молчаньи.

Его я видѣлъ въ тихомъ обаяньи.
Въ лицѣ отца, и въ красотѣ сѣдинъ.
Въ качаньи тонкихъ лунныхъ паутинъ.
Онъ показалъ мнѣ ликъ свой въ обѣщаньи.

Часы идутъ, мѣняя тяжесть гирь.
Часы ведутъ дорогой необманной.
Зачатье наше въ мысли первозданной.

На снѣжной вѣткѣ одинокъ снѣгирь.
Но алой грудкой, дѣтскимъ снамъ желанной,
Велитъ Веснѣ онъ вѣрить цвѣтотканной.

БѢЛАЯ ПАРЧА.

Я выстроилъ чертогъ, селеніе, овинъ,
Я башню закрѣпилъ въ странѣ мечты орлиной,
Но птичка бѣлая, мелькнувши, въ мигъ единый
Открыла гулкій ходъ для всѣхъ окрестныхъ льдинъ.

Когда жь умолкъ вдали протяжный шумъ лавинъ,
И снова свидѣлась вершина горъ съ вершиной,
Надъ побѣлѣвшею притихшею равниной
Былъ уцѣлѣвшій я, и въ дняхъ я былъ одинъ.

Но въ мірозданіи ставъ зябкою былинкой,
И слушая душой, какъ міръ безбрежный тихъ,
Всѣхъ милыхъ потерявъ, я не скорблю о нихъ.

Все прошлое златой заткалось паутинкой.
И чую, какъ вверху, снѣжинка за снѣжинкой,
Безгласныя, поютъ многолавинный стихъ.

ПѢВЕЦЪ.

Онъ пѣлъ узывно, уличный пѣвецъ,
Свой голосъ единя съ игрою струнной,
И жалобой, то нѣжной, то бурунной,
Роняя звуки, точно дождь колецъ.

Онъ завладѣлъ вниманьемъ наконецъ,
И послѣ пѣсни гнѣвной и перунной
Сталъ блѣденъ словно призракъ сказки лунной,
Какъ знакъ давно порвавшихся сердецъ.

Явилъ онъ и мое, той пѣсней, сердце.
Завороженъ предъ стихшею толпой,
Насъ всѣхъ окуталъ грустью голубой.

Мы всѣ признали въ немъ единовѣрца.
И каждый зналъ, шепчась съ самимъ собой,
Что тотъ пѣвецъ понявшій всѣхъ — слѣпой.

ГЛУБИННОЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВО.

Крестъ золотой могучаго собора
Вѣщательно свѣтился въ вышинѣ,
И весь вечерній храмъ горѣлъ въ огнѣ,
Какъ вечеромъ горятъ верхушки бора.

Что звѣздный мракъ придетъ еще не скоро,
Объ этомъ пѣли краски на волнѣ,
Которая, плеснувъ, легла во снѣ,
Не пѣня больше воднаго простора.

На паперти колѣнопреклоненъ,
Я видѣлъ службу, свѣчи, блескъ церковный,
Въ напѣвъ молитвъ струился съ башенъ звонъ.

И видѣлъ, какъ въ глубинахъ влаги ровной,
Повѣря въ свѣтъ, пріяла темнота
Весь храмъ могучій съ золотомъ креста.

НА ДНѢ.

Покой вѣщанный. Лѣсъ высокоствольный.
Расцвѣтъ кустовъ, горящій кое-гдѣ.
Синь-цвѣтикъ малый въ голубой водѣ.
Камышъ и шпажникъ, свѣчи грезы вольной.

Обѣтъ молчанья, свѣтлый и безбольный.
Въ нѣмыхъ ночахъ полетъ звѣзды къ звѣздѣ.
Недвижность травъ, въ размѣрной чередѣ.
Весь міръ — ковчегъ съ дарами напрестольный.

И вотъ, слагая истово персты,
И взоръ стремя въ прозрачные затоны,
Какъ новый листъ, вступившій въ лѣсъ зеленый, —

Отшельникъ, тамъ на днѣ, узналъ черты,
Въ горѣньи свѣчъ, родныя, вѣчность взгляда,
Подъ звонъ церквей потопленнаго града.

ОРАРЬ.

Когда, качнувъ орарь, діаконъ знакъ дастъ,
Что пѣвчимъ время пѣть, народу — мигъ моленья,
Въ высотахъ Божескихъ, въ то самое мгновенье,
Кто вѣренъ, слышитъ звонъ и ангельскій полетъ.

Когда на сотнѣ верстъ чуть слышно хруснетъ ледъ
Въ одной проталинѣ, тотъ звукъ и дуновенье
Тепла весенняго вѣщаютъ льду крушенье,
И въ Солнцѣ въ этотъ мигъ есть явно зримый медъ.

И вѣтка первая на вербѣ златоносной,
Пушокъ свой обнаживъ, сзываетъ вѣрныхъ пчелъ.
Воскресенъ благовѣстъ ихъ ульевидныхъ селъ.

Когда жъ, когда мой духъ, тоскующій и косный,
Увидитъ вербный свѣтъ и вѣющій орарь.
И Богу пѣснь споетъ. Какъ въ оны дни. Какъ встарь.

СЛУЖИТЕЛЬ.

Въ селѣ заброшенномъ во глубинѣ Россіи
Люблю я увидать поблекшаго дьячка.
Завялый стебель онъ. На пламени цвѣтка
Навѣялась зола. Но есть лучи живые.

Когда дрожащій звонъ напѣвы вѣстовые
Шлетъ всѣмъ желающимъ придти издалека,
Въ золѣ сѣдѣющей мельканье огонька,
И въ духѣ будничномъ воскресность литургіи.

Чтецъ неразборчивый, вникая въ письмена,
Нетвердымъ голосомъ блуждаетъ онъ по чащамъ.
Какъ трогателенъ онъ въ бореніи спѣшащемъ.

Богъ слышитъ. Богъ пойметъ. Здѣсь пышность не нужна.
И голосъ старческій исполненъ юной силой,
Упорный свѣтъ лія въ зовъ: «Господи помилуй!»

КОЛОКОЛЪ.

Люблю безмѣрно колоколъ церковный.
И вновь, какъ тѣнь, войду въ холодный храмъ,
Чтобъ вновь живой воды не встрѣтить тамъ,
И вновь домой пойду походкой ровной.

Но правды есть намекъ первоосновной
Въ дерзаньи съ высоты пророчить намъ,
Что есть другая жизнь, — и я отдамъ
Всѣ голоса за этотъ звукъ верховный.

Гуди своимъ могучимъ языкомъ.
Зови дрожаньемъ грознаго металла
Разноязычныхъ, Эллина и Галла.

Буди просторъ, и говори, какъ громъ.
Стократно-милліоннымъ червякомъ
Изваянъ міръ изъ бѣлаго коралла.

ВЕРШИНА.

Отъ часа одного лучей и ласки Солнца
Забыла вся земля дождливость трехъ недѣль.
Внутри перебродилъ, свой срокъ прождавшій, хмѣль,
Шуршитъ кузнечиковъ чуть слышно веретенце.

Цвѣточекъ желтенькій раскрылъ жучку оконце,
И тотъ, смарагдовый, какъ въ мягкую постель,
Забрался въ лепестки. Безсмертная кудель
Спѣшитъ, отвивъ, завить живое волоконце.

Въ лѣсу зардѣвшемся повторное «Тукъ! Тукъ!»
То не весенній знакъ. Стучитъ осенній дятелъ.
Дней лѣтнихъ гробовщикъ роняетъ мѣрно звукъ.

Разсказъ прочитанный изъ нѣжныхъ выпалъ рукъ.
Но, если что-нибудь изъ чары часъ утратилъ,
Восторгъ законченный вершина всѣхъ наукъ.

СТѢНА.

Стѣна вѣтвей, зеленая стѣна,
Для грезы изумрудами свѣтила,
Шуршаніемъ, какъ дремлющая сила,
Гудѣньемъ пчелъ, какъ пышная весна, —

Изваянной волной, какъ тишина, —
Но, спѣвши сонъ зеленый, измѣнила,
И быстро цвѣтъ иной въ себя вронила,
Вонъ, Осень тамъ у желтаго окна.

Оконце круглымъ свѣтится топазомъ.
И будетъ возростать оно теперь.
Расширитъ кругъ. Въ листвѣ проломитъ дверь.

За каждымъ утромъ, съ каждымъ новымъ разомъ,
Какъ встанетъ Солнце, будетъ день потерь.
И глянетъ все совинымъ желтымъ глазомъ.

МАРСЪ.

Отъ полюса до полюса Пустыня.
Песчаникъ красный. Мергель желтоцвѣтъ.
И синій аспидъ. Зори прошлыхъ лѣтъ.
Зеленыхъ царствъ отцвѣтшая святыня.

Гдѣ жизнь была, тамъ греза смерти нынѣ.
Горѣнье охры. Между всѣхъ планетъ
Тотъ красочный особо виденъ бредъ.
Опалъ. Огонь въ опаловой твердынѣ.

Лишь полюсы еще способны пѣть
Пѣснь бытія нетлѣнными снѣгами.
Весной истаевая, родниками

На красную они ложатся мѣдь.
И говорятъ черезъ пространства съ нами,
Невнятное, играя письменами.

КРОВЬ.

Въ растеніи смарагдовая кровь,
Особеннымъ послушная законамъ.
Зеленый лѣсъ шумитъ по горнымъ склонамъ,
Зеленая встаетъ на полѣ новь.

Но, если часъ пришелъ, не прекословь,
И жги рубинъ за празднествомъ зеленымъ.
Сквозя, мелькнуло золото по кленамъ,
И алый лучъ затеплила любовь.

Гранатомъ сталъ смарагдъ, перегорая.
Въ лѣсу костеръ цвѣтовъ, и чертъ изломъ.
Коверъ огней отъ края и до края.

Не древо-ль стало вѣщимъ намъ узломъ?
Любя, нашъ духъ въ чертогъ верховной славы
Вступаетъ — надѣвая плащъ кровавый.

ЗНАКОМЫЙ ШУМЪ.

Знакомый слуху шорохъ . . .
Пушкинъ.

Знакомый шумъ зардѣвшихся вершинъ
Смѣшался съ привходящимъ, незнакомымъ,
Отдѣльнымъ звукомъ, — словно водоемомъ
Промчался вѣтръ, неся зачатье льдинъ.

Враждебный слуху шорохъ. Знакъ одинъ,
Что новое пришло. Конецъ истомамъ,
Что замыкались молніей и громомъ.
Отъ сѣрыхъ облакъ палъ налетъ сѣдинъ.

Тотъ малый звукъ, разлуку сердцу спѣвшій,
Не человѣчій, нѣтъ, не птичій, свистъ,
Въ шуршаньи ускользающъ и сквозистъ.

Прощальный шорохъ, первый пожелтѣвшій,
Дожегшій жизнь, и павшій наземь, листъ,
Въ паденьи поцѣлуемъ всѣхъ задѣвшій.

БЕЗВРЕМЕНЬЕ.

Дождливымъ лѣтомъ не было зарницъ,
Ни грозъ веселыхъ, зноевъ настоящихъ.
Іюль еще не умеръ, а ужь въ чащахъ
Мерцаютъ пятна, ржавость огневицъ.

Не тѣхъ верховныхъ, не перунныхъ птицъ,
Румянецъ исхудалыхъ и болящихъ,
Предѣльностью поспѣшною горящихъ,
Пріявшихъ въ сердце зарево границъ.

И только что заплакалъ объ іюлѣ
Росистый августъ средь пустыхъ полей,
Какъ ласточки до срока упорхнули.

Зайду ли въ рощу, въ садъ свой загляну ли,
Подъ острый свистъ синицъ и грусть острѣй.
Ткань желтая прядется въ долгомъ гулѣ.

ПО ЗОВУ ВОРОНА.

Ужь воронъ каркалъ трижды тамъ на крышѣ,
Глухой, густой, тысячелѣтній зовъ.
И дальній гулъ рѣдѣющихъ лѣсовъ
Съ паденьемъ листьевъ звукоемно тише.

Въ вѣтвяхъ — часовни духовъ, ходы, ниши,
Прорывы, грусть, блужданье голосовъ.
А въ домѣ громче тиканье часовъ,
И по угламъ шуршатъ въ обояхъ мыши.

Сталъ мрачнымъ деревенскій старый домъ.
На всемъ печать ущерба и потери.
Три мѣсяца въ немъ не скрипѣли двери.

Теперь скрипятъ. И окна подъ дождемъ
Со всѣмъ живымъ тоскуютъ въ равной мѣрѣ,
Какъ въ темныхъ норахъ зябнущіе звѣри.

СЕНТЯБРЬСКІЯ ОБЛАКА.

По облакамъ, ужь разлученнымъ съ громомъ,
На восемь лунъ, до будущей весны,
Прошло отяжелѣнье бѣлизны,
Завладѣванье всѣмъ, кругомъ, объемомъ.

Нѣтъ мѣста больше тучкамъ невѣсомымъ,
Что, возникая, таяли какъ сны,
Нѣтъ болѣе мгновенной крутизны
Внезапныхъ тучъ съ ихъ огневымъ изломомъ.

Гдѣ молнійный повторный поцѣлуй
Преображалъ громаду тучевую
Въ разъятый водоемъ журчащихъ струй, —

Безцвѣтный цвѣтъ на небѣ ткань нѣмую
Прядетъ, ведетъ. О, вѣтеръ! Расколдуй
Ту крышку гроба! Я съ землей тоскую!

ИЗЛОМЪ.

Развилъ свои сверкающія звенья,
Внѣ скудныхъ чиселъ, красокъ, чертъ, и сновъ.
Румянецъ хмѣльный, пирное забвенье
Излилъ въ качанье вянущихъ листковъ.

Раздвинулъ межь притихшихъ береговъ
Сапфира серебристое теченье.
Усугубилъ свободу отъ оковъ,
Просвѣтъ продвинувъ силой дуновенья.

Медлительно распространяя даль,
Подвигнулъ къ лету черныя дружины,
Построилъ треугольникъ журавлиный.

Запаутинилъ свѣтлую печаль, —
Вселенскій, расточающій, изломный,
Измѣнъ осеннихъ духъ многообъемный.

СОХРАНЕННЫЙ ЯНТАРЬ.

Идетъ къ концу сонетное теченье.
Душистый и тягуче-сладкій медъ
Размѣрными продленьями течетъ,
Янтарное узорчато скрѣпленье.

Но не до дна дозволю истеченье.
Когда одинъ окончится чередъ,
И часъ другой — уловъ свой пусть сберетъ.
Янтарь царямъ угоденъ какъ куренье.

Замкнитесь, пчелы, въ улей. Часъ зимы.
Зима во снѣ — какъ краткая недѣля.
Опять дохнетъ цвѣтами вздохъ апрѣля.

Я вамъ открою дверцу изъ тюрьмы.
Шесть полныхъ лунъ дремоты послѣ хмѣля, —
И, знайте, попируемъ снова мы.

СОУЧАСТНИЦЫ.

Пошелестѣвъ, заснули до весны,
Хрусталики сложивъ прозрачныхъ крылій,
Мохнатыя сбирательницы пылей,
Съ тѣхъ чашечекъ, гдѣ золотые сны.

Умолкъ тысячекрылый гудъ струны.
Средь воска и медвяныхъ изобилій
Спятъ сонмы. А по храмамъ — лику лилій
Горѣнья тысячъ свѣчъ посвящены.

Подъ звонъ кадилъ и тихіе напѣвы,
Въ лучѣ косомъ качая синій дымъ,
Идетъ обѣдня ходомъ золотымъ.

Озарена икона Чистой Дѣвы.
И блѣдный рой застывшихъ инокинь
Какъ лунный садъ, расцвѣтный сонъ пустынь,

ШАЛАЯ.

О, шалая! Ты бѣлыми клубами
Несешь и мечешь вздутые снѣга.
Льешь океанъ, гдѣ скрыты берега,
И вьешься, пляшешь, помыкаешь нами.

Смѣешься дикимъ свистомъ надъ конями,
Велишь имъ всюду чувствовать врага.
И страшны имъ оглобли и дуга,
Они храпятъ дрожащими ноздрями.

Ты сѣешь снѣгъ воронкою, какъ пыль.
Морозъ крѣпчаетъ. Сжался ледъ упруго.
Какъ-будто холодъ расцвѣтилъ ковыль.

И цвѣтъ его взлюбилъ верченье круга.
Дорожный посохъ — сломанный костыль,
Коль забавляться пожелаетъ — Вьюга!

ВЕСЬ КРУГЪ.

Весна — улыбка сердца въ ясный май
Сквозь изумрудъ застѣнчивый апрѣля.
Весенній сонъ — Пасхальная недѣля,
Намъ снящійся въ минутѣ древній рай.

И лѣто — праздникъ. Блескъ идетъ за край
Мгновенія, чрезъ откровенье хмѣля.
Пей, пей любовь, звеня, блестя, свирѣля.
Мигъ радостный вдругъ вымолвитъ: «Прощай».

И торжество, при сборѣ винограда,
Узнаешь ты въ роскошной полнотѣ.
И, гроздья выжавъ, станешь на чертѣ, —

Заслыша сказъ, что завела прохлада.
И будетъ Вьюга, въ бѣлой слѣпотѣ,
Кричать сквозь міръ, что больше сновъ не надо.

НЕРАЗЛУЧИМЫЕ.

Среди страницъ мучительно любимыхъ,
Написанныхъ искусною рукой,
Прекраснѣй тѣ, что свѣтятся тоской,
Какъ свѣтятъ звѣзды въ даляхъ нелюдимыхъ.

Въ пожарахъ дней, въ томительныхъ ихъ дымахъ,
Есть образъ незабвенно дорогой.
Она. Одна. На свѣтѣ нѣтъ другой.
Мы двое съ ней вовѣкъ неразлучимыхъ.

И все же разлучаться мы должны,
Чтобъ торопить горячее свиданье,
Всей силою мечты и ожиданья, —

Той мглой, гдѣ, расцвѣтая, рдѣютъ сны.
Такъ въ музыкѣ два дальнія рыданья
Струятъ къ душѣ одинъ разсказъ струны.

ЗЕРКАЛО.

Когда передъ тобою глубина,
Себя ты видишь странно отраженнымъ,
Воздушнымъ, тѣневымъ, преображеннымъ.
Въ водѣ душа. Смотри, твоя она.

Не потому ли насъ пьянитъ Луна,
И дѣлаетъ весь міръ завороженнымъ,
Когда она, по пропастямъ бездоннымъ,
Намъ недоступнымъ, вся озарена.

Я темная, но дальній свѣтъ пріемлю, —
Она безгласно въ мірѣ говоритъ.
Луна пріемлетъ Солнце и горитъ.

Отображенный свѣтъ струитъ на Землю.
Въ Лунѣ загадка, жемчугъ, хризолитъ.
Въ ней сонмъ зеркалъ волшебный сонъ творитъ.

ЛЕБЯЖІЙ ПУХЪ.

Трепещетъ листъ забвенно и устало,
Одинъ межъ черныхъ липовыхъ вѣтвей.
Ужъ скоро бѣлый духъ густыхъ завѣй
Качнетъ лебяжьимъ пухомъ опахала.

Зима идетъ, а лѣта было мало.
Лишь разъ весной звенѣлъ мнѣ соловей.
О, вѣтеръ, въ сердце вольности навѣй.
Былъ скуденъ медъ. Пусть отдохнетъ и жало.

Прощай, черезъ меня пропѣвшій садъ,
Поля, лѣса, луга, рѣка, и дали.
Я съ вами видѣлъ въ творческомъ кристалѣ

Игру и соотвѣтствія громадъ.
Есть часъ, когда цвѣты и звѣзды спятъ,
Зеркальный токъ тайкомъ крѣпитъ скрижали.

ГАДАНІЕ.

Въ затишьи предразсвѣтнаго досуга,
Когда схолстилась дымка пеленой,
Я зеркало поставилъ подъ Луной,
Восполненной до завершенья круга.

Я увидалъ огни въ смарагдахъ луга,
Потомъ, моря съ взбѣшенною волной,
Влюбленнаго съ влюбленною женой,
И цѣлый міръ отъ Сѣвера до Юга.

И весь просторъ съ Востока на Закатъ.
Въ рукѣ возникла змѣйность трепетанья.
Міръ въ зеркалѣ лишь красками богатъ.

Лишь измѣненьемъ въ смыслахъ очертанья.
И вдругъ ко мнѣ безбрежное рыданье
Съ Луны излило въ сердце жемчугъ-скатъ.

СЕРПЪ.

Живущій раною въ колдуньяхъ и поэтахъ,
Снѣжистый Новолунь явился и погасъ.
Тогда, въ тринадцатый, и значитъ въ первый разъ,
Зажегся огнь двухъ свѣчъ, преградой мглы задѣтыхъ.

Съ тѣхъ поръ я вижу все въ бѣлесоватыхъ свѣтахъ,
Мнѣ снится смертный свѣтъ — тамъ за улыбкой глазъ.
И въ мірѣ солнечномъ ведетъ полдневный часъ
Людей, не въ золото, а въ серебро одѣтыхъ.

Кто знаетъ, тотъ пойметъ. Что правду говорю,
Тотъ все жь почувствуетъ, кто не пойметъ, не зная.
Снѣжистый Серпъ мягчитъ и алую зарю.

Во вьюжномъ декабрѣ, въ цвѣтистыхъ играхъ мая,
Какъ инокиня я, со взоромъ внутрь, блѣдна.
Серпомъ прорѣзала мнѣ сердце вышина.

ЛУНА ОСЕННЯЯ.

Луна осенняя надъ желтыми листами
Уже готовящихъ свой зимній сонъ деревъ
Похожа на ночной чуть слышимый напѣвъ,
Въ которомъ прошлыхъ дней мы прежніе, мы сами.

Мы были цѣльными, мы стали голосами,
Расцвѣтами цвѣли и стали ждущій сѣвъ.
Тоскуемъ о любви, къ землѣ отяготѣвъ,
Поющую Луну мы слушаемъ глазами.

Сереброчеканная безмолвствуетъ рѣка.
Восторги лѣтнихъ дней какъ-будто истощили
Теченье этихъ водъ въ игранья влажной пыли.

И стынетъ, присмирѣвъ, безгласная тоска.
Себя не утоливъ отъ бывшихъ изобилій,
Слѣдимъ мы, какъ скользятъ мгновенія въ вѣка.

ЛУННАЯ МУЗЫКА.

Какою музыкой исполненъ небосводъ.
Луны восполненной колдующая сила,
Сердцами властвуя, въ нихъ кровь заговорила,
И строго-бѣлая торжественно плыветъ.

Все въ мірѣ призрачномъ повинно знать чередъ.
Течетъ кажденіе изъ древняго кадила.
Луна осенняя намъ сердце остудила,
Безъ удивленія мы встрѣтимъ снѣгъ и ледъ.

Невозмутимая чета ракитъ прибрежныхъ
Въ успокоеніи не шелохнетъ листвой,
Признавъ у ногъ своихъ лежащій призракъ свой.

А въ зеркалѣ воды видѣнья бѣлоснѣжныхъ
Воздушныхъ savановъ, покровъ мечты живой,
И вотъ ужъ неживой, о дняхъ какъ сказка нѣжныхъ.

ВЛАДЫЧИЦА.

Владычица великой тишины,
Вліяніямъ лазоревой отравы,
Узорныя заполнила дубравы,
Магнитомъ подняла хребетъ волны.

Изъ пропастей вулканной вышины
Безгласно орошающая травы,
Велѣла снамъ сновать и ткать забавы
Въ чертѣ вѣтвей и лучевой струны.

Мѣняетъ ликъ въ бездонностяхъ пустыни,
Которой свѣтъ зеленовато-синь,
Дабы явить измѣну всѣхъ святынь, —

И неизмѣнность вышней ихъ святыни.
Была серпомъ — и стала кругомъ нынѣ.
Отъ лезвія до полноты. Аминь.

ОБЕЛИСКЪ.

Когда и шумъ, и ревъ, и вой, и крикъ, и пискъ
Себя исчерпаютъ съ зашествіемъ Свѣтила
Дневныхъ свершенностей, иная зрѣетъ сила,
Встаетъ изъ-за морей сребро-снѣжистый дискъ.

На влагу рушенный, трепещетъ обелискъ.
Сіяніе Луны. Вскрываются кадила
Сладимой бѣлены, цвѣтка, что возростило
Изъ вышнихъ пропастей паденье лунныхъ брызгъ.

Всепобѣдительно-широкое молчанье
Встаетъ изъ нѣдръ земли, объемлетъ кругозоръ
До синихъ областей продвинувшихся горъ.

Теперь, душа, иди до радости вѣнчанья,
Надѣвъ, какъ міръ надѣлъ, свѣжительный уборъ
Изъ грезъ, лучей, росы, спокойствія, и знанья.

ВСТРѢЧА.

Она приподнялась съ своей постели,
Не поднимая тѣневыхъ рѣсницъ,
Съ лицомъ бѣлѣе смертью взятыхъ лицъ,
Какъ бы заслыша дальній звонъ свирѣли.

Какъ-будто сонмы къ блѣдной спящей пѣли,
И зовъ дошелъ отъ этихъ вереницъ.
Туда. Туда. До призрачныхъ станицъ.
Туда. Туда. До древней колыбели.

Густыхъ волосъ змѣиная волна
Упала на незябнущія плечи.
И вся она тянулась какъ струна.

Звала непобѣдимо вышина.
Душа ушла къ своей вѣнчальной встрѣчѣ.
Все видѣла глядящая Луна.

НЕВѢСТА.

Она стояла въ платьѣ подвѣнечномъ.
Ея волосъ змѣиная волна,
Какъ лунная на небѣ тишина,
Въ мгновеньяхъ, молча пѣла пѣснь о Вѣчномъ.

Такъ вся она горѣла безконечнымъ,
Что алая тамъ въ сердцѣ пелена
Чрезмѣрнымъ вспѣвомъ прикоснулась дна,
И путь часовъ путемъ помчала Млечнымъ.

Она лежала, лилія мечты.
Нетронутый ея нарядъ вѣнчальный
Бѣлѣлъ недвижно тканью погребальной.

И тонкій Серпъ бездонной высоты
Съ ней слился въ чарованіи, зеркальный
Довѣявъ свѣтъ на тихія черты.

ВѢНЧАННЫЕ.

Когда плывутъ надъ лугомъ лунозвоны,
Вліянія, которымъ мѣры нѣтъ,
Въ душѣ звѣздозлатится страстоцвѣтъ,
И сладостной онъ ищетъ обороны.

Высоты облакъ вѣщіе амвоны,
Струится притягательный съ нихъ свѣтъ.
О, сколько древнихъ тысячъ прежнихъ лѣтъ
Связуются имъ юноши и жены.

Вѣнчается Господняя раба,
Встрѣчается съ душою обрученной,
Ручается, что счастье — быть сожженной.

Вѣнчается со всѣмъ, что дастъ Судьба.
О, чаянье. Ты будешь вѣкъ со мною: —
Ты вѣнчана съ замѣченнымъ Луною.

УСПОКОЕННАЯ.

Ненарушимые положены покровы.
Не знать. Не чувствовать. Не видѣть. Не жалѣть.
Дворецъ ли вкругъ меня, убогая ли клѣть,
Безгласной все равно. Я въ таинствѣ основы.

Поднять уснувшую ничьи не властны ковы.
Чтобъ вѣки сжать плотнѣй и больше не смотрѣть,
На нѣжные глаза мнѣ положили мѣдь.
И образокъ на грудь. Въ немъ свѣты бирюзовы.

Еще послѣднее — всѣ сущности Земли
Доноситъ, измѣнивъ — обратныхъ токовъ млѣнье.
Звукъ переходитъ въ свѣтъ. Какъ дымъ доходитъ
пѣнье.

Снѣжинки падаютъ. Растаяли вдали
Лазурныя слова надъ тайною успенья.
Снѣга. Завѣи сновъ. Послѣднiй лучъ. Забвенье.

СЛОВО.

Я клялся, и держать умѣю слово.
Въ чемъ клятва, это знаю только я.
Но до конца, въ Поэмѣ Бытія,
Я буду звукомъ счастья вновь и снова.

Нѣтъ, Отчаго ласкающаго крова
Не омрачитъ ни словомъ рѣчь моя.
Свирѣпы львы, и жалится змѣя,
Иное мнѣ отъ Солнца золотого.

Я выковалъ звучнѣйшую струну.
Былъ вѣренъ молотъ мой по наковальнѣ,
Когда жь зажглась Луна въ опочивальнѣ, —

Забывъ огонь и Солнце, я Луну
Любилъ сполна. И я не обману
Ни ближней красоты, ни самой дальней.

ВЕЧЕРЪ.

Когда сполна исчерпаешь свой день,
Работой и восторгомъ полноцѣннымъ.
Отраденъ вечеръ съ ликомъ міра тѣннымъ,
И входишь самъ легко въ него, какъ тѣнь.

Онъ веселился, рьяный конь-игрень,
Онъ ржалъ, звеня копытомъ, въ бѣгѣ пѣнномъ.
Зачѣмъ бы въ мигѣ сталъ онъ мига плѣннымъ?
Приди, о Ночь, и мглой меня одѣнь.

Изъ твоего, ко Дню, я вышелъ мрака.
Я отхожу съ великой простотой,
Какъ тотъ закатъ, что медлитъ надъ водой.

Зажглась звѣзда. Отъ Неба ждалъ я знака.
Какъ сладко рдѣть и ощущать свой пылъ.
Какъ сладко не жалѣть, что ты лишь былъ.

МГНОВЕНІЯ.

Мгновенно говореніе зарницы.
Но знаемъ мы, что гдѣ-то бирюза
Разорвапа, и мечется гроза,
И вьются въ тучѣ огненныя птицы.

Мгновенно замыкаются рѣсницы.
И видятъ все незримое глаза,
Взростаетъ чудотворная лоза,
И вѣщія проходятъ вереницы.

Пусть каждое мгновенье красоты
Возникнетъ и окончится не въ спорѣ,
А такъ придетъ, какъ къ намъ приходятъ зори, —

Пришествію свѣжащей темноты
Безгласно уступая, — чтобъ мечты
Съ морями звѣздъ свѣтились въ разговорѣ.

ОТЧІЙ ДОМЪ.

Забудь обманно-жаркое богатство
Надменныхъ словъ, высокомѣрныхъ дѣлъ.
Для каждаго означенъ здѣсь предѣлъ,
Его же не прейдешь безъ святотатства.

Нѣтъ правды тамъ, гдѣ есть хоть тѣнь злорадства.
Но истинно прекрасенъ тотъ и смѣлъ,
Что пониманье выбралъ какъ удѣлъ,
И всѣхъ живыхъ прочелъ умомъ какъ братство.

Не спи въ ночахъ. Пролейся въ Млечный Путь
Всей силою духовныхъ устремленій.
Ты слышишь, какъ вольнѣе дышетъ грудь.

Любовь сильна. И можетъ протянуть
По всѣмъ путямъ и мракамъ гроздья рдѣній.
Тамъ Отчій Домъ. Лишь это не забудь.

ПРИЧАСТІЕ.

Нашъ день оконченъ въ огненномъ закатѣ,
Нашъ свѣтъ уходитъ въ ночь, гдѣ свѣжій гроздъ
Разсыпанныхъ по небу дружныхъ звѣздъ
Насъ причаститъ высокой благодати.

Придите миротворческія рати
Алмазныхъ думъ. Означься къ небу мостъ.
Я какъ дитя растроганъ здѣсь и простъ.
Я прямъ какъ бѣлый цвѣтъ на горномъ скатѣ.

День утонулъ, въ которомъ я любилъ.
Заря съ зарей переглянулись взглядомъ,
Одна другой добросивъ водопадомъ, —

Огни, лучи, цвѣты, всю мысль, весь пылъ.
Сегодня Богъ прошелъ цвѣтущимъ садомъ,
И часъ одинъ я полубогомъ былъ.

ТИШИНА.

Какъ тихо проплываютъ вереницы
Воздушной мглы, тамъ въ зеркалѣ, точь въ точь
Такой же, какъ вверху уходитъ прочь,
До тучевой цѣпляяся станицы.

Какъ шелестъ тихъ прочитанной страницы.
Душа, забыть тоску уполномочь.
Я слышу, какъ идетъ чуть слышно Ночь,
Тѣнь медленной мнѣ пала на рѣсницы.

Всѣ пропасти закрылись синей мглой.
Все бывшее желанію искомымъ
Въ душѣ безгласной строитъ аналой.

Весь міръ сомкнулся храмовымъ объемомъ.
Святая Ночь. Я братъ. Будь мнѣ сестрой.
Дай млечность сновъ. И въ Вѣчность путь открой.

ПОСТЕЛЬ.

Ты островъ сновъ, пустыня голубая,
Въ которой лишь густой вѣтвится хмѣль,
Моя благословенная постель,
Гдѣ начинаю жить я, засыпая.

Сказительница вѣщаго слѣпая,
Стрѣлой безцѣльной, вѣчно бьющей въ цѣль,
Ты въ сердцѣ заставляешь пѣть свирѣль,
И мысль свѣтлѣетъ, въ тайнахъ утопая.

Въ тебѣ когда-то былъ я здѣсь рожденъ.
Въ тебѣ узналъ восторгъ самозабвенья,
Гдѣ кровь уводитъ въ Вѣчность чрезъ мгновенье.

Съ тобой мой самый крайній мигъ сплетенъ.
Я сплю. И темный мой ковчегъ желѣзный
Сталъ золотымъ, плывя созвѣздной бездной.

КОВЕРЪ.

Я сплю. А на стѣнѣ моей коверъ.
Онъ плотно всю затягиваетъ стѣну.
Я вижу нѣжныхъ красокъ перемѣну.
Деревня. Рѣчка. Лѣсъ. Весенній хоръ.

Тамъ дальше городъ. Сказочный соборъ.
Душа глядитъ. Отдаться рада плѣну.
Въ саду качаетъ вѣтерокъ вервену.
Луна съ звѣздой ведетъ переговоръ.

Сбѣгаетъ въ пропасть влага водопада.
Но пропасть — тамъ. Она ушла за край.
Есть златоосень, если конченъ май.

Изъ бѣлыхъ льдовъ блистательна ограда.
Она моя. Мнѣ разумѣть не надо,
Что тамъ за ней. Я жилъ. Я сплю. Прощай.

СМЕРТЬ.

Я помню, мнѣ четыре было года,
Весна была цвѣтиста и свѣтла,
Когда старушка-няня умерла.
Я былъ одинъ. И я стоялъ у входа.

Что значитъ смерть? Вся искрилась природа.
Но няня спитъ. И странно такъ бѣла.
Унылились вдали колокола.
Въ село отъ насъ пошла толпа народа.

Я не пошелъ. На няню посмотрѣвъ,
Я въ маломъ сердцѣ ощутилъ стѣсненье.
И скрылся въ садъ. Тамъ птичье было пѣнье.

И слушая деревъ и птицъ напѣвъ,
Я думалъ, что цвѣты и озаренье
Дѣйствительность, а смерть лишь заблужденье.

КОЛЬЦА.

Ты спишь въ землѣ, любимый мой отецъ,
Ты спишь, моя родная, непробудно.
И какъ безъ васъ мнѣ часто въ жизни трудно,
Хоть много знаю близкихъ мнѣ сердецъ.

Я въ мірѣ вами. Черезъ васъ пѣвецъ.
Мнѣ ваша правда свѣтитъ изумрудно.
Однажды духомъ слившись обоюдно,
Вы уронили звонкій дождь колецъ.

Они горятъ. Въ нихъ золото оправа.
Они поютъ. И изъ страны въ страну
Иду, вѣщая Солнце и весну.

Но для чего безъ васъ мнѣ эта слава?
Я у Рѣки. Когда же переправа?
И я съ любовью кольца вамъ верну.

ПРОБЛЕСКИ.

Возникъ ли я въ круженіи столѣтій,
Что наконецъ соткали должный часъ,
Какъ мысли усложненной яркій сказъ,
Какъ жемчугъ, что въ искусной найденъ сѣти?

И гдѣ впервые, на какой планетѣ,
Я глянулъ въ Солнце взоромъ тѣхъ же глазъ?
И, здѣсь родясь, умру въ который разъ?
Кто мнѣ отвѣтитъ на вопросы эти?

Лишь проблески отвѣта я найду,
И тотчасъ же ихъ снова утеряю.
Въ ночи, гдѣ снамъ ни мѣры нѣтъ, ни краю.

И увидавъ падучую звѣзду.
Еще въ любви. Еще въ живомъ бреду,
Когда любовь я пѣсней измѣряю.

ЛЮБИМЫЕ.

Мы всѣ любили любящихъ любимыхъ,
Которымъ присудилъ сладчайшій стихъ
Кружиться, неразлучными, двоихъ,
И въ смерти и въ любви нераздѣлимыхъ.

Все въ снахъ земли они и въ адскихъ дымахъ,
Двѣ птицы, два крылатыхъ духа, въ чьихъ
Мечтаньяхъ пламень страсти не затихъ
И тамъ, среди пространствъ необозримыхъ.

Но, если вѣчный блескъ Франческѣ данъ
Медвянымъ Данте, съ ликомъ обожженнымъ,
Желаннѣй мнѣ, Бретонскій сонъ, Тристанъ

Съ Изольдой. Пыткамъ сердца повтореннымъ
Ихъ предалъ, ихъ качавшій, Океанъ,
Сумѣвшій дать сліянье — раздѣленнымъ.

ПАНТЕРА.

Она пестра, стройна, и горяча.
Насытится, и на три дня дремота.
Проснется — и предчувствуетъ. Охота
Ее зоветъ. Она встаетъ, рыча.

Идетъ, лѣниво длинный хвостъ влача.
А мѣхъ ея пятнистый. Позолота
Мерцаетъ въ немъ. И говорилъ мнѣ кто-то,
Что взоръ ея — волшебная свѣча.

Духъ отъ нея идетъ весьма пріятный.
Ее воспѣлъ, средь острыхъ горъ, Грузинъ,
Всѣхъ любящихъ призывный муэззинъ, —

Чей стихъ — алоэ, густо-ароматный.
Какъ барсъ, ее онъ понялъ лишь одинъ,
Горя зарей кроваво-беззакатной.

БЛЕСКЪ БОЛИ.

«Дай сердце мнѣ твое нераздѣленнымъ»,
Сказала Таріэлю Нэстанъ-Джаръ.
И столько было въ ней глубокихъ чаръ,
Что только ею онъ пребылъ зажженнымъ.

Лишь ей онъ былъ растерзаннымъ, взметеннымъ,
Лишь къ Нэстанъ-Дарэджанъ былъ весь пожаръ.
Лишь молнія стремитъ такой ударъ,
Что ей нельзя не быть испепеленнымъ.

О, Нэстанъ-Джаръ! О, Нэстанъ-Дарэджанъ!
Любовь твоя была какъ вихрь безумій.
Твой милый былъ въ огнѣ, въ жерлѣ, въ самумѣ.

Но высшей боли — блескъ сильнѣйшій данъ.
Ее пропѣлъ, какъ никогда не пѣли,
Пронзеннымъ сердцемъ, Шота Руставели.

ДВА ЦВѢТА.

Прекрасенъ ротъ, какъ роза припадая
Къ другому рту. Прекрасенъ даръ боговъ.
Румяность крови въ рдѣньи лепестковъ,
Страсть смотритъ въ Вѣчность, въ сердцѣ рас-
цвѣтая.

Изъ капли счастья — Океанъ безъ края,
Огонь залилъ всѣ грани береговъ.
Но есть костры, чей огнь бѣлѣй снѣговъ,
Гдѣ духъ поетъ, въ отъятости сгорая.

Красивъ въ вѣкахъ тотъ звонкій сазандаръ,
Что сплелъ коверъ изъ облачной кудели,
Струна любви, пронзенный Руставели.

Красивъ расцвѣтъ лилейно-бѣлыхъ чаръ,
Снѣжистый лотосъ въ водной колыбели.
Луна — вдали, какъ далека — Тамаръ.

НЕРАЗДѢЛЕННОСТЬ.

Приходитъ мигъ раздумья. Истомленный,
Вникаешь въ полнозвучныя слова
Канцонъ медвяныхъ, гдѣ едва-едва
Вздыхаетъ голосъ плоти уязвленной.

Витторія Колонна и влюбленный
Въ нее Буонаротти. Эти два
Сіянія, чья огненность жива
Черезъ столѣтья, въ дали отдаленной.

Любить нераздѣленно, лишь мечтой.
Любить безъ поцѣлуя и объятья.
Въ благословеньи чувствовать заклятье.

Творецъ Сибиллъ конечно былъ святой.
И какъ бы могъ сполна его понять я?
Звѣзда въ мірахъ постигнута — звѣздой.

МИКЕЛЬ АНДЖЕЛО.

Всклнкъ «Кто какъ Богъ!» есть имя Михаила.
И Ангеломъ здѣсь звался. Межь людей
Онъ былъ запечатлѣнностью страстей.
Въ попраньи ихъ его острилась сила.

Въ десницѣ Божьей тяжкое кадило,
Гнетущій воздухъ ладанныхъ огней
Излилъ душой онъ сжатою своей.
Она, свѣтясь, себя не освѣтила.

Стремясь съ Земли и отъ земного прочь,
Въ суровости онъ измѣнилъ предметы,
И женщины его съ другой планеты.

Онъ возлюбилъ Молчаніе и Ночь.
И лунно погасивъ дневные шумы,
Сибиллъ и Вѣщихъ бросилъ онъ въ самумы.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

Художникъ съ гибкимъ тѣломъ леопарда,
А въ мудрости лукавая змѣя.
Во всѣхъ его созданьяхъ есть струя,
Духъ белладонны, ладана, и нарда.

Въ немъ зодчій сновъ любилъ пѣвучесть барда,
И магъ — о каждой тайнѣ бытія
Шепталъ, ее качая: «Ты моя».
Не тщетно онъ зовется Леонардо.

Крылатый былъ онъ человѣколевъ.
Еще немного, и, глазами рыси
Полеты птицъ небесныхъ подсмотрѣвъ, —

Онъ долженъ былъ парить, и вѣдать выси.
Среди людскихъ, текущихъ къ Безднѣ, рѣкъ,
Имъ предугаданъ былъ Сверхчеловѣкъ.

МАРЛО.

Съ блестящей мыслью вышелъ въ путь онъ рано,
Учуявъ сочетаніе примѣтъ.
Преобразилъ въ зарю сѣдой разсвѣтъ,
Повторной чарой зоркаго шамана.

Величіемъ въ немъ сердце было пьяно.
Онъ прочиталъ вліяніе планетъ
Въ судьбѣ людей. И пламенный поэтъ
Безбрежный путь увидѣлъ Тамерлана.

Въ немъ бывшій Фаустъ болѣе великъ,
Чѣмъ позднее его изображенье.
Борецъ, что въ самомъ мигѣ низверженья

Хранитъ въ ночи огнемъ зажженный ликъ.
И смерть его — пустынно-страстный крикъ
Въ безумный вѣкъ безмѣрнаго хотѣнья.

ШЕКСПИРЪ.

Средь инструментовъ, всѣхъ волшебнѣй лира: —
Въ пьянящій звонъ схвативъ текучій дымъ,
Въ столѣтьяхъ мы мгновенье закрѣпимъ,
И зеркало даемъ въ стихѣ для міра.

И лучшій часъ въ живомъ весельи пира, —
Когда поетъ пѣвецъ, мечтой гонимъ,
И есть такой, что вотъ мы вѣчно съ нимъ,
Плѣняясь звучнымъ именемъ Шекспира.

Нагромоздивъ созданія свои,
Какъ глыбы построеній исполина,
Онъ взнесъ гнѣздо, которое орлино, —

И показалъ всѣ тайники змѣи.
Гигантъ, чей духъ — пловучая картина,
Ты — нашъ, чрезъ то, что здѣсь мы всѣ — твои.

КАЛЬДЕРОНЪ.

La Vida es Sueño. Жизнь есть Сонъ.
Нѣтъ истины иной такой объемной.
Отъ грезы къ грезѣ въ сказкѣ полутемной.
Онъ понялъ міръ, глубокій Кальдеронъ.

Когда любилъ, онъ жарко былъ влюбленъ.
Въ странѣ, гдѣ пламень жизни не заемный,
Онъ весь былъ жгучій, солнечный, и громный.
Но полюбилъ предъ смертью долгій звонъ.

Царевичъ Сэхисмундо. Разсужденье
Земли и Неба, Сына и Отца.
И свѣтъ и тѣнь Господняго лица.

Да, жизнь есть сонъ. И сонъ всѣ сновидѣнья.
Но тотъ достоинъ высшаго вѣнца,
Кто и во снѣ не хочетъ заблужденья.

ЭДГАРЪ ПО.

Въ его глазахъ фіалковаго цвѣта
Дремалъ въ земномъ небесно-зоркій духъ.
И такъ его былъ чутокъ острый слухъ,
Что слышалъ онъ передвиженья свѣта.

Чу. Ночь идетъ. Мы только видимъ это.
Онъ слышалъ. И шуршанья Норнъ-Старухъ.
И вздохъ цвѣтка, что на Лунѣ потухъ.
Онъ вѣдалъ все, онъ, межь людей комета.

И другъ безвѣстный полюбилъ того,
Въ комъ знанье лада было въ Хаосъ влито,
Кто возводилъ земное въ Божество.

На смертный холмъ того, чья боль забыта,
Онъ положилъ, любя и чтя его,
Какъ вѣрный знакъ, кусокъ метеорита.

ШЕЛЛИ.

Изъ облачка, изъ воздуха, изъ грезы,
Изъ лепестковъ, лучей, и волнъ морскихъ,
Онъ могъ соткать такой дремотный стихъ,
Что до сихъ поръ тамъ дышетъ духъ мимозы.

И въ жизненныя былъ онъ брошенъ грозы,
Но этотъ вихрь промчался и затихъ.
А крылья духовъ, — да, онъ свѣялъ ихъ
Въ стихи съ огнемъ столепестковой розы.

Но чаще онъ не алый, — голубой,
Опаловый, зеленый, густо-синій,
Пастухъ цвѣтовъ, съ изогнутой трубой.

Красивый духъ, онъ шелъ — земной пустыней,
Но къ Морю, зная сонъ, который данъ
Вступившимъ въ безграничный Океанъ.

ВЕЛИКІЙ ОБРЕЧЕННЫЙ.

Онъ чувствовалъ симфоніями свѣта,
Онъ слиться звалъ въ одинъ пловучій храмъ —
Прикосновенья, звуки, ѳиміамъ,
И шествія, гдѣ танцы какъ примѣта, —

Всю солнечность, пожаръ цвѣтовъ и лѣта,
Все лунное гаданье по звѣздамъ,
И громы тутъ, и малый лепетъ тамъ,
Дразненья музыкальнаго расцвѣта.

Проснуться въ Небо, грезя на Землѣ.
Разсыпавъ вихри искръ въ пронзенной мглѣ,
Въ горѣньи жертвы былъ онъ неослабенъ.

И такъ онъ вился въ пламенномъ жерлѣ,
Что въ Смерть проснулся, съ блескомъ на челѣ,
Безумный эльфъ, зазывъ, звенящій Скрябинъ.

ЭЛЬФЪ.

Сперва играли луннымъ свѣтомъ феи.
Мужской діэзъ, и женское, бемоль,
Изображали поцѣлуй и боль.
Журчали справа малыя затѣи.

Прорвались слѣва звуки-чародѣи.
Запѣла Воля всклйкомъ слитныхъ воль.
И свѣтлый Эльфъ, созвучностей король,
Ваялъ изъ звуковъ тонкія камеи.

Завихрилъ лики въ токѣ звуковомъ.
Они свѣтились золотомъ и сталью,
Смѣняли радость крайнею печалью.

И шли толпы. И былъ пѣвучимъ громъ.
И человѣку Богъ былъ двойникомъ.
Такъ Скрябина я видѣлъ за роялью.

ЛЕРМОНТОВЪ.

1.

Опальный ангелъ, съ небомъ разлученный,
Узывный демонъ, разлюбившій адъ,
Вѣтровъ и бурь бездомныхъ странный братъ,
Душой внимавшій пѣснѣ звѣздъ всезвонной, —

На праздникѣ какъ призракъ похоронный,
Въ затишьи дней тревожащій набатъ,
Нѣтъ, не случайно онъ среди громадъ
Кавказскихъ — мигъ узналъ смертельно-сонный.

Гдѣ могъ онъ такъ красиво умереть,
Какъ не въ горахъ, гдѣ небо въ часъ заката
Расплавленное золото и мѣдь, —

Гдѣ ключъ, пробившись, долженъ звонко пѣть,
Но также долженъ въ плачѣ пасть со ската,
Чтобъ гнѣвно въ узкой пропасти гремѣть.

2.

Внимательны ли мы къ великимъ славамъ,
Въ которыхъ изъ міровъ нездѣшнихъ свѣтъ?
Кольцовъ, Некрасовъ, Тютчевъ, звонкій Фетъ,
За Пушкинымъ явились величавымъ.

Но раньше ихъ, въ сіяніи кровавомъ,
Въ горѣньи зорь, въ сверканьи лучшихъ лѣтъ,
Людьми былъ загнанъ пламенный поэтъ,
Не захотѣвшій медлить въ мірѣ ржавомъ.

Внимательны ли мы хотя теперь,
Когда съ тѣхъ поръ прошло почти столѣтье,
И радость или горе долженъ пѣть я?

А если мы открыли къ свѣту дверь,
Да будетъ духъ нашъ солнеченъ и цѣленъ,
Чтобъ не былъ мертвый вновь и вновь застрѣленъ.

3.

Онъ былъ одинъ, когда душой алкалъ,
Какъ пѣнный конь, въ разбѣгѣ дикихъ гонокъ.
Онъ былъ одинъ, когда, полуребенокъ,
Онъ въ Байронѣ своей тоски искалъ.

Въ разливѣ нивъ, и въ перстнѣ сѣрыхъ скалъ,
Въ игрѣ ручья, чей плескъ блестящъ и звонокъ,
Въ мечтѣ цвѣточныхъ ласковыхъ коронокъ,
Онъ видѣлъ медъ, который отвергалъ.

Онъ былъ одинъ, какъ смутная комета,
Что головней съ пожарища летитъ,
Внѣ правила расчисленныхъ орбитъ.

Нездѣшняго звала къ себѣ примѣта
Нездѣшняя. И сжегъ свое онъ лѣто.
Однажды ли онъ въ смерти былъ убитъ?

4.

Мы убиваемъ генія стократно,
Когда, рукой, его убивши разъ,
Вновь затѣваемъ скучный нашъ разсказъ,
Что намъ мечта чужда и непонятна.

Есть въ мірѣ розы. Дышутъ ароматно.
Цвѣтутъ вездѣ. Желаютъ свѣтлыхъ глазъ.
Но заняты собой мы каждый часъ,
Мигъ встрѣчи душъ уходитъ безвозвратно.

За то, что онъ, кто былъ и гордъ и смѣлъ,
Блуждая самъ надъ сумрачною бездной,
Намъ въ дѣтствѣ въ душу Ангела напѣлъ, —

Свершимъ, сейчасъ же, сто прекрасныхъ дѣлъ,
Онъ намъ блеснетъ улыбкой многозвѣздной,
Не покидая вышній свой предѣлъ.

ВЯЗЬ.

Ты по цвѣтамъ найдешь дорогу къ Раю.
Вячеславъ Ивановъ.

1.

И ты, кого, по существу, желаю
На жизненныхъ путяхъ встрѣчать вездѣ,
Кому, звѣздой, любя, пою звѣздѣ,
Мнѣ говоришь, что возвращусь я къ Раю.

Но я, прошедшій весь свой путь по маю,
Я знающій, какъ холодно водѣ,
Когда ей воздухъ шепчетъ вѣсть о льдѣ,
Твоихъ желанныхъ словъ не понимаю.

Ты говоришь: Дорога — по цвѣтамъ.
Но знаешь ли, какъ страшно изумленье,
Когда подземный стебель стынетъ — Тамъ?

Въ землѣ промерзлой жутки развѣтвленья.
И все пчела, и все къ цвѣтамъ склоненъ,
Въ звенѣнье крылъ ввожу церковный звонъ.

2.

Я чувствую, какъ стынетъ небосклонъ,
Въ безчисленныхъ возвратахъ повтореній
Все тѣхъ же силъ, концовъ, началъ, бореній,
Отверженныхъ и избранныхъ племенъ.

То вверхъ, то внизъ, но вѣчно жизнь есть сонъ.
Сверженье въ бой, чтобъ знать всю рьяность рвеній,
И вѣдать, послѣ, счастье замиреній.
И снова гулъ несчетныхъ веретенъ.

А я? Не совершая ли влюбленье
Цвѣтка въ цвѣтокъ, съ зари и до зари,
Пчела лишь собираетъ янтари?

У пчелъ есть тайны, внѣ досягновенья.
Мой медъ — не мнѣ. Мой воскъ — на алтари.
Себѣ хочу лишь одного: Смиренья.

3.

Да будутъ безпредѣльны восхваленья
Того, что зажигаетъ въ сердцѣ жаръ,
И крайній въ сердце намъ несетъ ударъ,
Клоня рѣсницы въ сумракъ усыпленья.

Красивъ покой безмѣрный. Бѣгъ мгновенья,
Навѣкъ запечатлѣнный властью чаръ.
Красивъ усопшій Мѣсяцъ, Свѣтозаръ.
Красивѣй всѣхъ — рыдающее пѣнье.

Снѣгами убѣленная любовь,
Забывъ огонь лобзаній и обиды,
Въ мерцаньи свѣчъ внимаетъ панихиды.

Душа, покорно саванъ приготовь.
Запрись. Замкнись въ снѣжистую завѣю,
И ты, кого люблю я и жалѣю.

ВНѢ ЗНАНІЯ.

1.

Что знаемъ мы о мысляхъ муравья,
И развѣ говорили мы съ пчелою?
Отсюда мы уразумѣемъ Трою,
Но слѣпы въ одиссеѣ Бытія.

Издревле человѣческое я
Признало Мѣсяцъ, Солнце, громъ съ грозою,
Моря и Небо съ дружной бирюзою,
Но, слушая, не слышитъ рѣчь ручья.

Паукъ плететъ искуснѣй паутину,
Чѣмъ мы шелки. И носитъ щитъ съ крестомъ.
Но чѣмъ, зачѣмъ, куда, и какъ ведомъ

Тотъ хищный рыцарь? Онъ творитъ картину.
Какъ мы творимъ — безвѣстнымъ намъ путемъ.
Окутанъ тайной прочною нашъ домъ.

2.

И, можетъ-быть, что съ Богомъ я ровесникъ,
И, можетъ-быть, что Имъ я сотворенъ.
Но что мнѣ въ томъ? Цвѣтокъ мой — смертный
ленъ.
И каждый мигъ — мнѣ неизвѣстный вѣстникъ.

Лишь въ производномъ помыслъ мой — кудесникъ,
Хоть Божествомъ мой разумъ обрамленъ.
Въ мірскомъ пиру, среди живыхъ племенъ,
Кто бъ ни былъ я, я — недовольный мѣстникъ.

Нѣтъ, вольный вѣтеръ намъ не побратимъ.
Мы на путяхъ земного разсужденья
По грани ощущенія скользимъ.

Проходитъ часъ, мы измѣнились съ нимъ.
Горимъ въ кострахъ безбрежнаго хотѣнья,
Но нашъ огонь всегда уходитъ въ дымъ.

3.

Я не люблю унынья и сомнѣнья,
Себя да будетъ каждый — властелинъ.
Волшебенъ зной. Волшебны звоны льдинъ.
Волшебно все въ играньяхъ измѣненья.

Зачѣмъ рѣшать я буду уравненье,
Гдѣ слишкомъ много тайныхъ величинъ?
Тутъ поступить — достойный путь, одинъ: —
Пустить стрѣлу, и сердце бросить въ пѣнье.

Моя стрѣла оперена мечтой,
Я для себя достану ей Жаръ-Птицу.
Я написалъ блестящую страницу.

Я создалъ слово Сказки Молодой.
Лети, душа, съ довѣрьемъ за звѣздой,
Лети, орелъ, и догони орлицу.

РАГЛЬ.

1.

Гдѣ вровень съ желтымъ небо густо-сине,
Тамъ, гдѣ въ пескахъ такая жуть и тишь,
Что, къ нимъ придя, мгновенно замолчишь,
Есть вѣдьма Рагль, волшебница Пустыни.

Нашъ длинный караванъ идетъ къ Святынѣ.
Но вдругъ — двойное зрѣнье. Видишь — мышь.
Одна, другая, пятая. Глядишь, —
Ихъ сонмы. Каждый ликъ — лишь въ половинѣ.

Бѣгутъ десятки тысячъ — лишь перёдъ.
И половинки заднія, песками,
Спѣшатъ, порочатъ желтый путь хвостами.

Алла! Алла! Нашъ путь къ тебѣ идетъ!
Пусть вѣдьма Рагль обманамъ кончитъ счетъ.
Дай намъ дойти, не завлекаясь снами!

2.

Я знаю, что песокъ передо мной,
Я довѣряюсь зрѣнію верблюда.
Но предо мною вѣдьмовское чудо,
Колодецъ, ровъ съ играющей волной.

Онъ страшенъ мнѣ бездонной глубиной.
Туда войду, а выйду ли оттуда?
Верблюдъ идетъ. Я буду ждать, покуда
Онъ крѣпость мнѣ горбатою спиной.

Верблюдъ прошелъ. Но влага — предо мною.
И хочется лицомъ прильнуть къ волнѣ.
Плескаться въ той студеной глубинѣ.

Конецъ тамъ будетъ жаждѣ, отдыхъ зною.
Алла! Алла! Себя ли я укрою
Передъ Тобой? Будь милостивъ ко мнѣ!

3.

Какъ бархатъ ночь. Какъ райскій вздохъ —
прохлада.
Потоки звѣздъ. Вольнѣе караванъ.
Ужь скоро будетъ отдыхъ вѣрнымъ данъ.
Читай молитвы. Только это надо.

Всевышній съ нами. Съ нимъ избѣгнемъ ада.
Нѣтъ въ мірѣ книгъ. Лишь есть одинъ Коранъ,
Росою звѣздъ во-вѣки осіянъ.
Чу! Гдѣ-то розы возлѣ водоспада.

Поетъ, журчитъ, и пѣнится родникъ.
Недугъ оконченъ зрѣнія двойного.
Молись, чтобъ онъ къ тебѣ не вкрался снова.

Алла Акбаръ! Лишь Богъ одинъ великъ!
Сквозь мглу пустынь ведетъ Онъ въ радость крова.
Алла! Алла! Я вѣчный Твой должникъ!

РѢШЕНЬЕ.

1.

Рѣшеньемъ Полубога Злополучій,
Два мертвыхъ Солнца, въ ужасахъ пространствъ,
Законъ нарушивъ долгихъ постоянствъ,
Соотношеній грозныхъ бѣгъ тягучій, —

Столкнулись, и толчокъ такой былъ жгучій,
Что Духи Взрыва, въ пирѣ буйныхъ пьянствъ,
Соткали новоявленныхъ убранствъ
Оплотъ, простертый огненною тучей.

Два Солнца, встрѣтясь въ вихрѣ жаркихъ струй,
Въ пространствахъ разошлись невозвратимо,
Оставивъ Шаръ изъ пламени и дыма.

Вотъ почему намъ страшенъ поцѣлуй,
Бѣгъ сѣменной, и танецъ волоконца: —
Здѣсь лѣтопись возникновенья Солнца.

2.

Бываетъ встрѣча мертвыхъ кораблей,
Тамъ далеко, среди Морей Полярныхъ.
Межъ льдовъ они затерты свѣтозарныхъ,
Потокъ пришелъ, толкнулъ богатырей.

Они плывутъ навстрѣчу. Все скорѣй.
И силою касаній ихъ ударныхъ
Разорванъ ликъ сокрытостей кошмарныхъ,
И тонутъ тайны въ бѣшенствѣ зыбей.

Такъ наше Солнце, ставшее свѣтиломъ
Для всѣхъ содружно-огненныхъ планетъ,
Пріяло Смерть, въ себя пріявши Свѣтъ.

И мы пойдемъ до грани по могиламъ,
Припоминая по ночамъ себя,
Когда звѣзда сорвется, свѣтъ дробя.

3.

Два мертвыхъ Солнца третье породили,
На мигъ оживъ горѣніемъ въ толчкѣ,
И врозь поплыли въ Міровой Рѣкѣ,
Свѣтило-Призракъ грезя о Свѣтилѣ.

Мигъ встрѣчи ихъ остался въ нашей были,
Онъ явствененъ въ глубокомъ родникѣ,
Велитъ душѣ знать боль и быть въ тоскѣ,
Но чуять въ пыткѣ вѣщій шорохъ крылій.

О камень камень — пламень. Жизнь горитъ.
До сердца сердце — боль и счастье встрѣчи.
Любимая! Два Солнца — намъ предтечи.

И каждый павшій ницъ метеоритъ
Есть звукъ изъ мірозданной долгой рѣчи,
Которая намъ быть и жить — велитъ.

КОНИ.

1.

Когда еще не вѣдали оковъ,
И не было живымъ — хлыста съ уздою,
Звѣзда перекликалась со звѣздою,
Задолго до молчанія вѣковъ.

Въ пространствахъ нескончаемыхъ луговъ
Кормились, въ числахъ, кони, съ красотою
Горячей. Словно тучи надъ водою,
Рождали гулъ копыта безъ подковъ.

Охотились за тѣми косяками
Стрѣлки кремневыхъ стрѣлъ. Здѣсь каждый юнъ.
Застрѣленъ, пожранъ тысячный табунъ.

Но тотъ да будетъ вѣчно славимъ нами,
Кѣмъ огненная схвачена волна,
Кто въ первый разъ вскочилъ на скакуна.

2.

Коварный ли то былъ полуребенокъ,
Которому удѣлъ былъ гордый данъ
Забросить петлей мѣткою арканъ,
Въ которой, взвывъ, забился жеребенокъ?

Былъ юный голосъ звѣря остръ и звонокъ,
Былъ юный звѣрь отъ изумленья пьянъ.
А юноша прямилъ свой сильный станъ,
Начавъ тысячелѣтья дикихъ гонокъ.

А, можетъ-быть, то былъ ужь зрѣлый мужъ,
Который притаился надъ откосомъ,
Отъ конскихъ глазъ укрытъ сѣдымъ утесомъ.

Вдругъ на коня онъ соскользнулъ какъ ужъ.
И былъ какъ духъ. Летѣлъ, схватясь за гриву,
Стремя коня къ истомѣ, по обрыву.

3.

Ихъ было десять тысячъ жеребцовъ,
Тринадцать тысячъ кобылицъ красивыхъ.
Въ разметанныхъ и своевольныхъ гривахъ
Свистѣли вѣтръ степей и вѣтръ луговъ.

Цвѣтъ вороной у жаркихъ былъ самцовъ.
У самокъ красный. Съ клекотомъ, на срывахъ
Орлы садились. О разливныхъ нивахъ
Еще не встала мысль въ ночахъ умовъ.

Въ ночахъ ли? Только въ зоряхъ сердца рдяныхъ
Всѣ были существа. Но вотъ вѣка
Сомкнулись. Изъ другого косяка

Явился бѣлый конь въ тѣхъ страстныхъ странахъ.
И вмигъ, его завидя, вся орда
Заржала, гуломъ, какъ въ разливъ вода.

4.

Предъ ликами, что сгрудились въ аравахъ,
Предъ красно-вороной рѣкой коней,
Гдѣ въ числахъ ночь, и въ числахъ жаръ огней,
Въ вѣкахъ начальныхъ, временахъ не ржавыхъ, —

Въ горѣньи крови, въ пламенныхъ забавахъ,
Гдѣ жеребецъ, съ кобылою своей
Любясь, порой хребетъ ломалъ у ней,
Въ невозвратимыхъ полновластныхъ славахъ, —

Въ веселіи играющихъ погонь,
Съ косящимися черными очами,
Съ дрожащими и дымными ноздрями, —

Откуда всталъ тотъ страшный бѣлый конь?
И въ чемъ былъ страхъ? Принесъ ли
вѣсть онъ злую?
Но кони всѣ бѣжали вразсыпную.

5.

Какъ вѣетъ вѣтеръ въ звонахъ ковыля,
Какъ небо высоко надъ ширью степи.
Но древній сонъ замкнутъ въ безгласномъ склепѣ.
Забыла пламя марева Земля.

Какъ шепчетъ вѣтеръ, пылью шевеля.
Но порваны златыя звенья цѣпи,
Духъ полюбилъ быть въ запертомъ вертепѣ,
Межи углами врѣзались въ поля.

Въ тотъ страстный край, гдѣ черный цвѣтъ и
красный,
Пріявши бѣлый, стихли въ пестротѣ,
Пути заглохли. Лики всѣ не тѣ.

Лишь въ часъ Войны, лишь въ боѣ, въ часъ опасный,
На мигъ въ возвратѣ къ прежней красотѣ,
Есть въ ржаньи звукъ, съ огнемъ временъ
согласный.

ОНЪ И ОНА.

1.

Онъ и Она — не два ли разночтенья
Красиваго сказанія временъ?
Два звука, чтобъ создать единый звонъ,
Два атома, въ законѣ тяготѣнья.

Весной въ великій праздникъ всесожженья,
Одною хотью каждый духъ взметенъ.
Другъ другомъ зажжены она и онъ.
Иль только лишь хотѣніемъ хотѣнья?

Въ весеннее раскрытое окно
Со всѣхъ сторонъ доходятъ къ сердцу звуки,
Въ нихъ сладость упоительнѣйшей муки.

Сто тысячъ дальнихъ звѣздъ въ нихъ зажжено.
И молимъ мы, ломая розно руки,
Того, что есть по существу одно.

2.

Того, что есть по существу одно,
Хотя бы въ ликахъ намъ являлось разныхъ,
Но въ скрѣпахъ утвержденнаго алмазныхъ,
Желаютъ всѣ. Кѣмъ брошено зерно?

Не знаемъ, и не все ли намъ равно.
Мы быть должны въ плѣняющихъ соблазнахъ.
Средь строгихъ словъ дай лепетовъ несвязныхъ,
Въ вѣкахъ тоски шуми веретено.

Сѣдыхъ временъ цвѣтущее сказанье,
Какъ можемъ не хотѣть и не любить?
Опять, скрутивъ, сплетемъ живую нить.

И, вновь порвавъ, для счастья разверзанья,
Направимъ духъ туда, гдѣ все темно: —
Намъ таинства разоблачаетъ дно.

3.

Намъ таинства разоблачаетъ дно,
Когда мы всѣмъ зажженнымъ страстью тѣломъ
Прильнемъ въ любви къ безумящимъ предѣламъ,
И двойственное въ цѣльность сплетено.

Хочу. Люблю. Хотѣлъ. Всегда. Давно.
Зачѣмъ же сердце, съ шопотомъ несмѣлымъ,
Задумалось надъ сномъ оцѣпенѣлымъ,
И пьяностью своей ужь не пьяно?

Такъ это-то завѣтнѣйшая тайна?
Далъ силѣ ходъ, и вотъ я вдвое слабъ.
Тоска ползетъ глубинно и безкрайно.

Зачѣмъ въ любви я черезъ вольность рабъ?
И скучно мнѣ обычное теченье
Восторга, созерцанья, и мученья.

4.

Восторга, созерцанья, и мученья
Замкнулась утомительная цѣпь.
Ужь въ синюю не выѣду я степь,
И слышу колыбельное я пѣнье.

Баю. Баю. Засни для сновъ, творенье.
Раскрой глаза. Ужь кровь сцѣпилась въ лѣпь.
Въ комокъ — мечта. Кипи, душа, свирѣпь,
И жги себя. Не разомкнешь сцѣпленья.

Но я хотѣлъ любви, одной любви.
Завороженъ рѣшеньями заклятья,
Чрезъ поцѣлуй я вовлеченъ въ зачатье.

И шепчетъ духъ недобрый: Нить порви.
Мысль возбраняетъ жуть посягновенья.
Все въ мірѣ знаетъ вѣрное влеченье.

5.

Все въ мірѣ знаетъ вѣрное влеченье.
Идутъ планеты линіей орбитъ,
И веселъ кротъ, когда все въ мірѣ спитъ,
И знаетъ путь свой каждое растенье.

Блѣднѣетъ ландышъ въ сладкій часъ цвѣтенья,
Но красный сокъ имъ въ гроздья ягодъ влитъ.
Зачѣмъ же ты, тоскующій болидъ,
Стремишь въ ночи безплодное горѣнье?

Зачѣмъ съ лѣсной колдуньей заодно
Ты собираешь призрачныя травы?
Вы оба передъ Вѣчностью неправы.

Упорствуешь. Придти не суждено,
Чрезъ волчій сглазъ и змѣйныя отравы,
Къ тому, что здѣсь закончить не дано.

6.

Къ тому, что здѣсь закончить не дано,
Но что горитъ мгновенною зарницей,
Что дѣлаетъ тебя крылатой птицей,
Иди, въ немъ златоцвѣтное руно.

Въ любви да будетъ сердце влюблено,
Но, громоздя восторги вереницей,
О, бойся стать какъ демонъ блѣднолицый,
Не разрушай колосья и гумно.

Безумецъ, кто дерзаетъ раздробленье.
Предвѣчна цѣпь. И страшны острія.
И вѣчно ль слушать «Твой» или «Твоя»?

Нѣтъ счастья въ самовольи преступленья.
И въ звѣздный міръ, гдѣ все озарено,
Къ звену идетъ ведущее звено.

7.

Къ звену идетъ ведущее звено,
И капля къ каплѣ росы заблестѣли,
Чтобъ травамъ было весело въ апрѣлѣ,
И небо было тучами полно.

Огнемъ верховнымъ будетъ рѣшено,
Чтобъ въ должный срокъ своей молніи запѣли,
И клочья всей разметанной кудели
Сплетутъ какъ мостъ цвѣтное волокно.

Не скупостью рождается явленье
Волшебныхъ грезъ, гдѣ яркихъ красокъ — семь.
Красивы розы послѣ окропленья

Святой водой подъ знакомъ искупленья.
Цвѣтъ къ цвѣту, къ своду радугъ всходитъ темь,
Какъ буква къ буквѣ въ словѣ заключенья.

8.

Какъ буква къ буквѣ въ словѣ заключенья,
Какъ слово къ слову въ лѣтописи душъ,
Священныя слова Жена и Мужъ
Не требуютъ отъ міра освященья.

Луна и Солнце льютъ свои внушенья
Въ сомкнутый поцѣлуй. И почему жь
Превыше горъ и всѣхъ морей и сушъ
Не вознести лобзанію хваленье?

На всю ли жизнь, на радость ли минутъ,
Со мной ли ты, иль въ дальностяхъ разлуки,
Люблю тебя. Ты вѣчно въ сердцѣ. Тутъ.

Всегда къ тебѣ я простираю руки.
Всѣ звѣзды неба — для твоихъ колецъ.
Но въ чемъ же завершающій конецъ?

9.

О, въ чемъ же завершающій конецъ
Всѣхъ всклнковъ и острійныхъ говореній?
Куда ведутъ ряды моихъ ступеней?
Изъ розъ ли я сплетаю твой вѣнецъ?

Отъ тѣни къ тѣни, вѣчный въ дняхъ бѣглецъ,
Окутанъ дымной мглою, звѣздный геній,
Какъ въ пѣснь солью я разнозвукъ влюбленій,
Я, братъ и мужъ, любовникъ и отецъ?

Съ душой созвѣздья душу обвѣнчали.
Но звѣздный свѣтъ горитъ равно для всѣхъ,
Какъ музыка, какъ сонъ, какъ дѣтскій смѣхъ.

Мечту съ мечтою волны закачали.
И пусть. И пусть. Невѣдомъ счастью грѣхъ.
Стремленье двухъ къ объятью не въ печали.

10.

Стремленье двухъ къ объятью — не въ печали,
И если духъ воистину звѣзда,
Не можетъ тѣмъ онъ ранить никогда,
Что чрезъ него другіе засіяли.

Игра многообразная — въ опалѣ.
Жемчужно-красныхъ млѣній череда
Засвѣтитъ рдянымъ углемъ иногда.
Но всѣ огни въ одномъ затрепетали.

Съ тобой горитъ звѣзда, и съ той, и съ той.
И хорошо, что въ высотѣ пустыни
Сіяютъ звѣзды, изумрудны, сини, —

И злато-алой свѣтятъ красотой.
И свѣтъ, коль сердце съ сердцемъ счастье знали,
Не въ томъ, чтобъ близь опять вернулась къ дали.

11.

Не въ томъ, чтобъ близь опять вернулась къ дали,
Съ тобой ли разлучусь я или съ ней,
О, нѣтъ, не въ умаленіи огней
Намъ мудрые завѣтъ высокій дали.

Есть пламени въ ломающемся валѣ,
Волна съ волной всегда поетъ звучнѣй,
Чѣмъ больше волнъ, тѣмъ ярче сказка дней,
Не мы, а Норны эту нить свивали.

Сигурдъ, люблю Брингильдъ, люблю Гудрунъ.
Я говорю съ восторгомъ и со стономъ.
Я восклицаю долгимъ звономъ струнъ.

Любовь всегда душѣ была закономъ.
На нашихъ судьбахъ вырѣзалъ рѣзецъ
Пасхальную созвѣздность всѣхъ сердецъ.

12.

Пасхальная созвѣздность всѣхъ сердецъ,
Вселенское объятіе сознаній,
Есть лучшее изъ всѣхъ искусствъ и знаній,
Другое все — предъ золотомъ свинецъ.

Лишь тотъ бѣднякъ, кто, предъ собою лжецъ,
Не видитъ правды истинныхъ желаній,
Судьбинности горѣній и сгораній,
И въ тусклой мглѣ томится какъ чернецъ.

Ты слышалъ, какъ осенніе шуршали
Листы березъ? Ты слышалъ, въ часъ ночей,
Безгромное стеканіе дождей?

Любовь, люби. Дойди изъ чужедали.
Я весь любовь. Любовь для жизни всей
Обѣщана, занесена въ скрижали.

13.

Обѣщано, занесено въ скрижали,
Что любящій, надѣясь вновь и вновь,
Какъ званый гость, въ лучахъ, войдетъ въ любовь.
Но горе тѣмъ, что въ часъ призыва спали.

Имъ мѣсто въ отлученьи и въ опалѣ.
И домъ ихъ тьма. И не поетъ имъ кровь.
Душа, свѣтильникъ брачный приготовь.
Кто любитъ, онъ, кто бъ ни былъ, звукъ въ хоралѣ.

Любовь моя. Услышь мой правый стихъ.
Ты вся моя. Лишь мнѣ душа и тѣло.
Но я тебѣ не измѣнилъ въ другихъ.

Душа поетъ тебя, тобой запѣла.
Ты свѣтъ очей. Ты духовъ образецъ.
Любя любовь, твореніе — Творецъ.

14.

Любя любовь, творенiе — Творецъ.
Принявъ Огня высокое велѣнье —
Запѣвъ, пропѣть, другими, вознесенье —
Мы звонъ, что льется изъ конца въ конецъ.

Смотри, весна. Къ намъ прилетѣлъ скворецъ.
И жаворонка, въ жаркомъ взлетѣ, пѣнье
Поетъ, что Солнцу радостно служенье.
Раскройся, Вѣчность, и плыви, пловецъ.

Да будемъ, счастье, въ ласковомъ апрѣлѣ.
Любовь, любовь, какъ я люблю тебя.
Любя, мы сердцемъ радостнымъ сумѣли

Себя найти, въ другомъ забывъ себя.
Нѣтъ я, нѣтъ ты, одно самозабвенье.
Она и Онъ — не два ли разночтенья?

15.

Онъ и Она — не два ли разночтенья
Того, что есть по существу одно?
Намъ таинства разоблачаетъ дно
Восторга, созерцанья, и мученья.

Все въ мірѣ знаетъ вѣрное влеченье
Къ тому, что здѣсь закончить не дано.
Къ звену идетъ ведущее звено,
Какъ буква къ буквѣ въ словѣ заключенья.

Но въ чемъ же завершающій конецъ
Стремленья двухъ къ объятью? Не въ печали.
Не въ томъ, чтобъ близь опять вернулась къ дали.

Пасхальная созвѣздность всѣхъ сердецъ
Обѣщана, занесена въ скрижали.
Любя любовь, твореніе — Творецъ.

ЗВѢЗДНЫЙ ВИТЯЗЬ.

Не богъ, но самый сильный братъ боговъ.
Трудовъ свершитель самыхъ трудныхъ. Кто ты?
Изъ міра изгонялъ ты нечистоты,
И, вольный, былъ содругомъ всѣхъ рабовъ.

Когда свиститъ вокругъ твоихъ столбовъ
Морская буря, порваны темноты.
Ты гидръ губилъ. Но пчелъ, творящихъ соты,
Не трогалъ ты на чашечкахъ цвѣтковъ.

Ты былъ какъ вышній стволъ глухого лѣса.
Но также прясть могла рука твоя.
Когда жь земная порвалась завѣса, —

Ты отошелъ въ небесные края.
И Солнце мчитъ себя, мечту тая
Догнать въ путяхъ — созвѣздье Геркулеса.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТИПОГРАФІЯ ШПАМЕРА ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ